

Русское вольнодумство при импер. Екатеринѣ II-й и эпоха реакціи.

Не такъ давно въ русской литературѣ и въ русскомъ обществѣ господствовали занесенныя съ запада социалистическія и матеріалистическія идеи, по отношенію къ существующему порядку вещей враждебныя и отрицательныя. 4-е апрѣля 1866 года ясно показало всему русскому міру разрушительность модныхъ идей и обозначило собою поворотъ въ мнѣніи русскаго правительства и общества и выполнѣть законную реакцію противъ вреднаго нигилизма. Какъ ни молодо русское общество, но не въ первый разъ оно переживаетъ подобный кризисъ. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія, въ царствованіе импер. Екатерины II-й, также господствовала на Руси модная отрицательная философія и также господство ея кончилось, когда ходъ событій доказалъ ея разрушительность. Не безынтересно будетъ въ настоящее время припомнить эту эпоху изъ недавняго минувшаго, имѣющую такое близкое сходство съ настоящимъ.

XVIII вѣкъ не безъ основанія называется по преимуществу вѣкомъ *философскимъ*, вѣкомъ *просвѣщенія* (Aufklärung), потому что ни въ какую другую эпоху идеи философовъ не пользовались въ массѣ такимъ широкимъ распространеніемъ и непосредственнымъ приложеніемъ къ жизни.

Такъ называемыхъ *философовъ* въ XVIII столѣтіи было много и идеи ихъ были разнообразныя. Но всеѣ они сходились въ одномъ—въ отрицаніи положительной религіи, господствующей морали и существующаго политическаго и общественнаго устройства.

Положительная религія на взглядъ философовъ XVIII вѣка есть результатъ своскористія правительствъ, невѣжества массы и обмановъ духовенства, и съ этой точки зрѣнія находитъ себѣ объясненіе. Si Dieu n' existait pas, il faudraitl, inventer, говоритъ Вольтеръ. Такъ какъ положительная религія держится на двухъ столбахъ—на признаніи бытія Бога-міроправителя и безсмертія души человѣческой, то слѣдовало отнять эти столбы или, говоря въ духѣ философовъ XVIII вѣка, уничтожить эти пугала. Поэтому философы утверждали, что или существуетъ Богъ, не заботящійся о мірѣ, который пустилъ людей, какъ куколъ по столу,—такъ думали деисты и въ особенности Вольтеръ, возстававшій противъ оптимистовъ и указывавшій всюду въ мірѣ слѣды безпорядка, несомнѣстимые съ бытіемъ живаго Бога (см. Кандидъ, поэма на разрушеніе Лиссабона),—или что вовсе нѣтъ Бога, а есть только матерія, объсмляющая собою все сущее; такъ думали Кондильякъ, Гелвецій, авторъ *Systeme de la nature* и др. Что же касается до безсмертія души, то нѣкоторые философы совершенно отрицали его, утверждая, что всеѣ живыя существа—отъ человѣка до скота—умираютъ и разлагаются по однимъ законамъ; а другіе, напр. Вольтеръ, хотя и допускали безсмертіе души, но относительно загробнаго существованія имѣли идеи очень смутныя и неопредѣленныя и во всякомъ случаѣ не согласныя съ церковнымъ вѣроученіемъ.

Вмѣсто господствующей морали, основанной на идеяхъ долга и самоотверженія, философы XVIII вѣка ставили новую мораль, основывавшуюся на эгоизмѣ и удовольствіи, и съ

фанатическимъ ожесточеніемъ отрицавшую аскетизмъ и религіозную нетерпимость. Мораль была легкая и искренняя и потому привлекательная, особенно по сравненію съ сухою и строгою средневѣковою моралью, какую проповѣдывали на западѣ католическіе духовные, сами плохо сочувствуя своимъ проповѣдямъ.

Существующее политическое и общественное устройство, состоящее въ господствѣ привилегированныхъ классовъ, казалось философамъ XVIII вѣка вопіющимъ злоупотребленіемъ. Идеаломъ общественнаго устройства для однихъ (напр. для Вольтера) были республики—Греція и Римъ; для другихъ (напр. для Руссо см. *Contrat social*)—первобытное дикое состояніе людей. Но во всякомъ случаѣ философы крѣпко вѣрили въ возможность лучшей жизни для людей, если только человечество станетъ жить по ихъ указаніямъ.

Такова была модная философія XVIII вѣка. Очевидно она имѣетъ огромное сходство съ міросозерцаніемъ недавно пережитой нами эпохи нигилизма. Тѣ же матеріалистическія тенденціи, та же ненависть къ *statu quo*, та же эгоистическая, распущенная мораль и та же смѣлая надежда на окончательное перерожденіе человечества при такой бѣдности внутреннихъ задатковъ къ возрожденію. Между современнымъ нигилизмомъ и великимъ броженіемъ умовъ прошлаго вѣка главнымъ образомъ та разница, что послѣднее было шире, многостороннѣе, продолжительнѣе и богаче историческими послѣдствіями.

«Главная черта,—говоритъ Гизо,—отличающая состояніе человѣческаго разума въ XVIII в.—это всеобщность, всеобъемлемость свободнаго изслѣдованія. Религія, политика, чистая философія, общество и человѣкъ, нравственная и вещественная природа—все становится въ одно и тоже время предметомъ изученія, сомнѣнія, системы; древнія науки пре-

образовываются, рядомъ съ ними возникаютъ новыя. Движеніе распространяется по всѣмъ направленіямъ, хотя и происходитъ изъ одного и того же побужденія. Кроме того движеніе это запечатлѣно особымъ страннымъ характеромъ, не имѣющимъ можетъ быть ничего подобнаго во всемірной исторіи—характеромъ отвлеченнымъ, чисто-созерцательнымъ. Никогда философія не стремилась такъ упорно къ обладанію надъ міромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не была такъ чужда ему. Можно ли послѣ того удивляться другой отличительной чертѣ тогдашняго состоянія человѣческаго духа—чрезвычайной смѣлости его? Въ XVIII в. совсѣмъ не было, кажется, внѣшнихъ фактовъ, предъ которыми склонился бы человѣческій разумъ, которымъ бы онъ сколько-нибудь подчинялся: онъ ненавидѣлъ или презиралъ все общественное устройство. Отсюда родилось въ немъ убѣжденіе, что онъ призванъ преобразовать все существующее въ мірѣ; онъ сталъ приписывать себѣ нѣкоторымъ образомъ творческую силу; учрежденія, мѣтнія, нравы, общество и самъ человѣкъ—все представлялось ему подлежащимъ передѣлкѣ, и человѣческій разумъ принялъ на себя исполненіе подобной задачи. Доходилъ ли онъ когда-нибудь до болѣе смѣлой мысли?

Великое движеніе умовъ, охватившее всю Европу, не могло не отразиться и въ Россіи, умственная жизнь которой со временъ Петра Великаго неразрывно связана съ обще-европейскою жизнію.

Въ Россіи во 2-й половинѣ прошлаго столѣтія царствовала великая государыня Екатерина II-я, обладавшая замѣчательною способностію чутко прислушиваться къ современному настроенію умовъ и наблюдать знаменія времени. Она не могла оставить безъ вниманія совершавшагося предъ ея глазами на западѣ великаго умственнаго движенія. Какъ же она относилась къ вождямъ этого движенія,—къ моднымъ

философамъ? Очень благосклонно. Мы имѣемъ довольно фактовъ этой благосклонности.

Съ самимъ патриархомъ философовъ, Волтеромъ, императрица находилась въ дружеской перепискѣ, продолжавшейся съ 1763 по 1778 годъ. У насъ подъ руками *Сборникъ*, содержащій въ себѣ 153 письма изъ переписки Екатерины съ Волтеромъ ¹⁾. Большая половина этихъ писемъ принадлежит Волтеру. Содержаніемъ переписки были большею частію текущія политическія дѣла. Императрица аккуратно увѣдомляла Волтера о своихъ законодательныхъ предпріятіяхъ, о турецкой войнѣ, о моровой язвѣ, о Пугачевскомъ бунтѣ, о куйчук-кайнорджійскомъ мирѣ, объ устройствѣ Смольнаго монастыря и проч., при чемъ замѣтно старалась представить все извѣстія въ благоприятнѣйшемъ для Россіи свѣтѣ. Тонъ переписки самый интимный. Весьма часто встрѣчаются комплименты, которые императрица умѣла расточать съ свойственною ей граціею. Вотъ примѣры: «при полученіи вашего письма—пишетъ императрица къ Волтеру,—учинила я смертный грѣхъ; желая нетерпѣливо прочитать его, оставила я кучу прошеній, задержала счастье многихъ людей! И даже раскаяться въ семъ не было поводу. Въ имперіи моей нѣтъ казуистовъ, и по сіе время я мало о семъ сожалею» (Переп. съ Волтеромъ I, 1). Еще: «я просила васъ назадъ тому годъ, чтобъ вы прислали мнѣ все какія есть сочиненія того писателя, коего творенія читаю я съ величайшимъ удовольствіемъ. Я получила сіи сочиненія въ маѣ мѣсяцѣ, и вмѣстѣ съ ними буютъ сего знаменитѣйшаго въ нашемъ вѣкѣ мужа. Я чувствовала равное удовольствіе какъ отъ той, такъ и отъ другой присылки, и уже шесть мѣсяцевъ, какъ они дѣлаютъ

¹⁾ Философическая и политическая переписка импер. Екатерины II-й съ г. Волтеромъ. Переводъ съ французскаго. Спб. 1802.

наилучшее украшеніе моихъ покоевъ и составляютъ ежедневное мое занятіе (Ibid. I, 38). Еще: «вы нерѣдко упоминаете, государь мой, о своей старости; но сколько-бъ лѣтъ вы ни имѣли, творенія ваши всегда одинаковы; свидѣтельствуешь энциклопедія ваша преисполненная новостей; стоитъ только читать сіе сочиненіе, чтобъ увидѣть, что вашъ умъ остается во всей своей силѣ, и, судя по васъ, можно было бы сказать, что уменьшеніе душевныхъ силъ, приписываемое старости, есть предразсудокъ» (Ibid. I, 201). Еще: «сожалѣю я, что не могу быть волшебницей, я употребила бы все мое искусство, чтобъ возвратить вамъ зрѣніе и здоровье» (Ibid. II, 38). Еще: «вы меня просите, государь мой, привести безъ отлагательства къ окончанію войну и законы, дабы вы могли о семъ извѣстить на томъ свѣтѣ Петра Великаго; но позвольте мнѣ вамъ сказать, что невозможно меня симъ убѣдить къ скорому окончанію. Я васъ напротивъ сего усердно прошу отложить поѣздки вашу къ нему на столько времени, сколько можно болѣе. Не печальте друзей вашихъ, пребывающихъ въ здѣшнемъ мірѣ, изъ любви къ тѣмъ, кои въ другомъ обрѣтаются» (Ibid. I, 100).

Съ своей стороны и Вольтеръ не оставался въ долгу. Его письма къ императрицѣ преисполнены лестью, иногда утонченною, чаще грубою и кощунственною. «Мы съ д'Аламбертомъ въ томъ только и упражняемся», писалъ Вольтеръ по полученіи извѣстій о побѣдѣ русскихъ надъ турками, «что ищемъ между растущихъ въ горахъ нашихъ кустарниковъ лавровъ на украшеніе изображенія вашего императорскаго величества, однакоже ихъ не находимъ; всѣ натуралисты утверждаютъ, что нынѣ ихъ нигдѣ обрѣсти не можно, какъ только въ Россіи» (Ibid. I, 153). «Всемилоуствѣйшая государыня! писалъ Вольтеръ по полученіи извѣстія о созваніи комиссіи депутатовъ для составленія новаго уложенія,—

сказываютъ, что нѣкоторый старецъ, по имени Симеонъ, увидѣвъ Младенца вскричалъ отъ радости: *теперь не для чего мнѣ болѣе жить: я видѣлъ уже моего Спасителя*. Оный Симеонъ былъ пророкъ и потому предусматривалъ, что маленькой сей іудей долженствовалъ сдѣлать. Что до меня касается, то я не будучи ни іудеемъ, ни пророкомъ, хотя столько же старъ, какъ и оный Симеонъ, не могъ бы въ 1700 году угадать, что разсудокъ, который столько же неизвѣстенъ патр. Никону, сколько и святой коллегин, придется нѣкогда въ Москву на гласъ рожденной въ Германіи государыни, и что она соберетъ въ свои чертоги идолопоклонниковъ, мусульманъ, грековъ, латиновъ, лютеранъ, кои всѣ наконецъ содѣлаются ея сынами. Сіе-то торжество разума есть мое спасеніе и я, поставляя себя въ число имѣющихъ разсудокъ, умру, признавая себя въ душѣ моей подданнымъ вашего императорскаго величества, благотворительницы рода человѣческаго» (Ibid. I, 33). Иногда кощунственная лесть Волтера доходитъ до крайности и до безвкусія. «Преблагословенна ты паче всѣхъ императрицъ и паче всѣхъ женъ!» (Ibid. I, 193) взываетъ онъ въ государыниѣ. «Богъ и войска ваши вняли моему гласу, когда я пѣлъ: *Te Catharinam laudamus, Te dominam confitemur*» (Ibid. I, 72). «Я никогда не молюсь никому, кромѣ пресв. владычицы петербургской, у которой цѣлую ноги со всевозможнымъ униженіемъ и искреннѣйшею набожностію» (Ibid. II, 144). «Да удостоить владычица моя воззрѣть съ благосклонностію на глубочайшее почтеніе старой ея твари» (Ibid. II, 42). Нельзя думать, чтобы лесть Волтера доставляла удовольствіе умной императрицѣ, которая въ теченіе своего долгаго и славнаго царствованія наслушалась множество комплиментовъ и умѣла давать имъ настоящую цѣну. «Не лучше ли, государь мой», писала она, «всѣ похвалы человѣкамъ отлагать до ихъ смерти, изъ опасенія,

чтобы рано или поздно не сдѣлались оныя ложными, послѣку всѣ человѣческія дѣла коловратны и непостоянны» (Ibid. I, 30). Оскорбительныя для христіанскаго чувства выходки Волтера возбуждали иногда нѣкоторое негодованіе въ императрицѣ, хотя, къ сожалѣнію, далеко не такое, какого бы заслуживали. «Написанное вами» (о вѣротерпимости), писалъ Волтеръ, «есть памятникъ славы вашей: Дидеротъ, д'Аламбертъ и я воздвигаемъ вамъ олтари. Вы сдѣлали меня язычникомъ; я повергаюсь къ стопамъ вашего импер. величества болѣе съ боготвореніемъ, нежели съ глубочайшимъ почтеніемъ. Храма вашего жреца» (Ibid. I, 21). «Ежели кто хотя мало имѣетъ самолюбія», съ нѣкоторою досадою возражала императрица, «то невозможно пожелать видѣть себя въ сравненіи съ чеснокомъ, кошками, тельцами, ослиными кожами, быками, змѣями, крокодилами, всякаго рода животными и проч. Не знаю, кто бы послѣ сего исчисленія захотѣлъ себѣ храмъ» (Ibid. I, 22). «Вы не будете, оправдывался Волтеръ,—ни чеснокомъ, ни кошкою, ни золотымъ тельцомъ, ни быкомъ Аписомъ; словомъ: вы не будете изъ числа тѣхъ божествъ, коихъ ѣдятъ. Вы изъ тѣхъ божествъ, которые даютъ пищу. Вы дѣлаете всевозможное добро внутри и внѣ своего государства» (Ibid. I, 25).

Размѣны любезностей не ограничивался словами. Императрица посылала Волтеру богатые подарки, которые удовлетворяли его корыстолюбію и тщеславію. Въ концѣ 1769 г. Екатерина отправила ему богатую шубу и табакерку съ своимъ портретомъ. Волтеръ по полученіи подарка разразился слѣдующими стихами:

Сей черный и прекрасный мѣлъ
Потерянъ бѣднымъ мустафою *)

*) Турецкимъ султаномъ, съ которымъ императрица была тогда въ войнѣ.

Какъ онъ, забывъ себя и всѣхъ,
 Бѣжалъ отъ руссовъ послѣ боя.
 А сей портретъ есть образъ той,
 Чьей милостью народы дышать,
 И въ сердцѣ благодарность вшугъ
 За свѣтъ мель имъ излитой. И проч. (Ibid. I, 44. 45).

Злоупотребляя внимательностію и ласкою императрицы, Волтеръ докучалъ ей несбыточными прозками (напр. о употребленіи противъ турокъ военныхъ колесницъ), мелочными просьбами (напр. о покупкѣ часовъ у его женеvской колоніи) и ходатайствомъ за людей, часто недостойныхъ, — ходатайствомъ, которое охотно позволялъ себѣ тщеславный старикъ. «Всѣ, которые приходятъ ко мнѣ», писалъ онъ къ императрицѣ, «и видятъ портретъ вашъ, думаютъ, что я въ большой довѣренности при дворѣ вашемъ. Они говорятъ мнѣ: сдѣлай насъ консулами сей императрицы, которая должна бы быть владычицею всего міра и которая владѣетъ только четвертью его. Я стараюсь удерживать ихъ тщеславіе» (Ibid. II, 210). Но сознавая, что и онъ въ нѣкоторомъ родѣ равенъ съ вѣнчанными лицами, какъ владыка умовъ и оракулъ общественнаго мнѣнія, Волтеръ позволялъ себѣ капризничать, когда замѣчалъ напр. со стороны императрицы неаккуратность въ перепискѣ съ нимъ. «Вижу», писалъ Волтеръ, не получая около 5 мѣсяцевъ письма отъ императрицы, «вижу, что я при дворѣ вашемъ нахожусь въ немилости. За васъ поссорился я со всѣми турками и даже съ господиномъ маркизомъ Пугачевымъ; а въ награжденіе за все сіе вы меня забываете. Мысль сія принудила бы меня умереть съ печали, если бы я не былъ готовъ умереть отъ старости. Итакъ удостойте, всемилостивѣйшая государыня, принять сіе письмо вмѣсто моего завѣщанія, вмѣсто моей духовной. *Подписано* вашимъ обожателемъ, вами забытымъ, вашимъ старымъ фернейскимъ россіяниномъ» (Ibid. II, 186—188). Императрица

постышила успокоить безразсуднаго стараго враля, какъ не безъ основанія называть себя иногда Волтеръ. Почти каждое письмо Волтера заканчивается выраженіемъ пламеннѣйшаго желанія прійхать въ Россію на поклоненіе великой государынѣ. Но это желаніе постоянно оставалось безъ исполненія—подъ предлогомъ болѣзни и старости. Должно думать, что исторія личныхъ сношеній съ Фридрихомъ Великимъ научила Волтера, что съ коронованными особами гораздо удобнѣе для него переписываться, чѣмъ вести дѣло лично.

Съ другимъ знаменитымъ философомъ XVIII вѣка Дидро—или какъ его называли въ Россіи—Дидеротомъ императрица также находилась въ довольно близкихъ отношеніяхъ. Оказывая покровительство Дидро, она приглашала его докончить въ Петербургѣ изданіе знаменитой энциклопедіи. «Мнѣ предлагаютъ—писалъ Дидро къ своей подругѣ m-lle Волянъ (Mémoires et saet, т. 2, стр. 214), полную свободу, покровительство, почести, деньги, блестящее положеніе. Что скажете вы на это? Во Франціи, въ странѣ образованности, науки, искусства, хорошаго вкуса, философіи, насъ преслѣдуютъ, а тамъ въ варварскихъ и ледяныхъ пустыняхъ сѣвера намъ дружески протягиваютъ руку». Но Дидро долженъ былъ отказаться отъ этого приглашенія, такъ какъ энциклопедія составляла собственность книгопродавца. Императрица нашла другой способъ выразить Дидро свое расположеніе. Чтобы обезпечить приданое дочери, Дидро желалъ продать библіотеку. Императрица, извѣщенная объ этомъ Гриммомъ и русскимъ посланникомъ въ Парижѣ, гн. Голицынымъ, купила у Дидро библіотеку за 15,000 ливровъ, которую и оставила ему въ пожизненное пользованіе. «Я никогда не могла подумать», писала Екаторина къ Волтеру въ ноябрѣ 1765 года, «чтобы покупка библіотеки много значила, но съ покупкою Дидеротовой библіотеки меня всѣ поздравляютъ и благодарятъ. Вы... согла-

ситесь, что весьма сурово и несправедливо будетъ лишить ученаго книгъ его» (Ibid. I, 11). Мало того: императрица назначила самого же Дидро библіотекаремъ, съ жалованьемъ въ 1000 ливровъ въ годъ; и два года спустя велѣла заплатить ему это жалованье за 50 лѣтъ впередъ. «Теперь я обязанъ честію», писалъ Дидро шутя, «прожить еще 50 лѣтъ». Въ концѣ 1773 г. Дидро лично прибылъ въ Россію для свиданія съ государынею. Екатерина произвела на философа тоже обаятельное впечатлѣніе, какое производила на всѣхъ, кому желала нравиться. «Кабинетъ императрицы», писалъ Дидро къ m-ле Волянъ (т. 3, стр. 118), «былъ открытъ для меня каждый день отъ трехъ до пяти, часто даже до шести часовъ; я входилъ, меня приглашали садиться, и я болталъ съ своей обыкновенной необузданностію; уходя, я каждый разъ долженъ былъ говорить самому себѣ, что если я имѣлъ душу раба въ странѣ свободныхъ людей, я чувствовалъ въ себѣ душу свободного человѣка въ странѣ, которую называютъ страной рабовъ». Съ своей стороны и Екатерина также находила въ Дидро великія достоинства. «Я нахожу въ Дидеротѣ», писала она къ Волтеру, «неисчерпаемое воображеніе и поставляю его въ числѣ чрезвычайнѣйшихъ мужей, до сего времени существовавшихъ» (Переп. съ Волт. II, 177). «Это голова необыкновенная; что же касается до свойства сердца его, то надобно бы, чтобы всѣ люди такое же имѣли» (Ibid. II, 181). «Подобныхъ ему людей рѣдко найти можно» (Ibid. II, 185). Но императрица, расточая похвалы философу, была далека отъ того, чтобы стать подъ его вліяніе и управлять государствомъ согласно съ его идеями. Вотъ какъ рассказывала объ этомъ впослѣдствіи сама Екатерина французскому посланнику графу Сегюру. «Я долго бесѣдовала съ Дидро,—говорила императрица,—но болѣе изъ любопытства, чѣмъ съ пользою. Если бы я ему повѣрила, то пришлось бы преобразовать

всю мою имперію, уничтожить законодательство, правительство, политику, финансы и замѣнить ихъ несбыточными мечтами. Однако, такъ какъ я больше слушала его, чѣмъ говорила, то со стороны онъ показался бы строгимъ наставникомъ, а я скромною его ученицею. Онъ кажется самъ увѣрился въ этомъ, потому что замѣтивъ наконецъ, что въ государствѣ не приступаютъ къ преобразованіямъ по его совѣтамъ, онъ съ чувствомъ обиженной гордости выразилъ мнѣ свое удивленіе. Тогда я ему откровенно сказала: *г. Дидро, я съ большимъ удовольствіемъ выслушала все, что вамъ внушилъ вашъ блестящій умъ. Но вашими высокими идеями хорошо наполнять книги, дѣйствовать же по нимъ плохо. Составляя планы разныхъ преобразованій, вы забываете различіе нашихъ положеній. Вы трудитесь на бумагу, которая все терпитъ; она гладка, мѣлка и не представляетъ затрудненій ни воображенію, ни перу вашему; между тѣмъ какъ я, несчастная императрица, тружусь для простыхъ смертныхъ, которые чрезвычайно чувствительны и щекотливы. Я увѣрена, что послѣ этого я ему показалась жалка, а умъ мой узкимъ и обыкновеннымъ. Онъ сталъ говорить со мною только о литературѣ и политика была изгнана изъ нашихъ бесѣдъ¹⁾. Погостивъ въ Россіи нѣсколько мѣсяцевъ, Дидро отправился во свояси, вѣроятно въ чувствѣ обманутаго ожиданія. «Дидеротъ (извѣщала императрица Волтера) уже отправился въ возвратной свой путь въ Парижу. Онъ съ трудностію могъ рѣшиться отъ насъ уѣхать: одна привязанность къ своему семейству принудила его съ нами разлучиться» (Переп. съ Волт. II, 185).*

Точно также и другіе философы XVIII в. пользовались благосклонностію императрицы. Она неоднократно

¹⁾ Залески Сенора. Спб. 1865. Стр. 150.

и чрезъ посредство другихъ и непосредственно предлагала д'Аламберту быть воспитателемъ наслѣдника престола Павла Пестровича. Письмо ея объ этомъ къ знаменитому математику благородствомъ тона и важностію содержанія напоминаетъ, какъ было тогда замѣчено, письмо Филиппа Македонскаго къ Аристотелю въ день рожденія Александра. Вотъ это письмо, какъ оно читается въ плохомъ переводѣ съ французскаго, найденномъ нами въ рукописи софійск. бібліотеки № 630.

«Господинъ д'Аламберъ! я теперь только читала отвѣтъ, писанный вами къ господину Одару, которымъ вы отказываетесь пріѣхать сюда для воспитанія моего сына. Я знаю, что такому философу, какъ вы, ничего не стоитъ презирать то, что великію и честію въ семъ свѣтѣ называется. Все сіе у васъ за весьма малую вещь почитается, и я въ томъ съ вами охотно соглашаюсь. Если такимъ образомъ о вещахъ разсуждать, то я почла бы за весьма маловажный поступокъ королевы Христины, которую столь много хвалили, а часто и больше по справедливости хулили. Но быть рождену или призвану для вспоможенія въ благополучіи и наставленія цѣлаго народа,—и въ томъ отказываться, мнѣ кажется есть тоже самое, что не дѣлать добра, въ чему вы себя столько усерднымъ оказываете. Ваша философія все свое основаніе имѣетъ на пользѣ человѣческаго рода. Позвольте мнѣ вамъ сказать, что не соглашаться оной въ дѣйство производить,—есть тоже самое, что поступать противъ своего намѣренія. Я васъ почитаю за весьма честнаго человѣка и не могу вашего отказа приписать тщеславію; я знаю, что причина тому не иная есть, какъ склонность къ спокойствію, которое лучше вамъ способствовать можетъ пользоваться науками и обхожденіемъ вашихъ пріятелей. Но въ семъ ли только дѣло состоитъ? Пріѣзжайте со всѣми вашими пріятелями. Я обещаю оказать вамъ и имъ всякія благопріятства

и выгоды, которая только отъ меня зависѣть могутъ, и можетъ быть вы здѣсь болѣе найдете вольности и спокойства, нежели у себя. Вы не соглашаетесь на повторяемыя просьбы короля прусскаго, будучи ему столько обязаны; но сей государь не имѣетъ сына. Я признаюсь, что воспитаніе сего моего сына столько мнѣ на сердцѣ лежитъ, и вы мнѣ такъ нужны, что можетъ быть я васъ больше принуждаю, нежели должно. Извините меня, что я вамъ такъ скучаю въ разсужденіи сего дѣла и будьте увѣрены, что одно только почтеніе меня къ сему побудило.

Екатерина.

Москва 24 декабря 1762.

Во всемъ семъ письмѣ тѣ самыя мнѣнія употребляю, которыя нашла въ вашихъ сочиненіяхъ, и вы сами себѣ не можете прекословить¹⁾.

Однако упрямый д'Аламберъ и послѣ этого письма отказался быть воспитателемъ великаго князя Павла Петровича, и конечно Россія не можетъ не поблагодарить его за это.

Съ 1785 по 1792 годъ императрица состояла въ философической и политической перепискѣ съ ганноверскимъ докторомъ Циммерманомъ, авторомъ книги *о уединеніи*. Въ дальнѣйшемъ ходѣ статьи мы будемъ имѣть случай ближе познакомиться съ этою перепискою²⁾; теперь замѣтимъ только, что корреспондентъ былъ награжденъ отъ императрицы орде-

¹⁾ Амстердамскія Вѣдомости, изъ которыхъ заимствовано вышеприведенное письмо, сообщаютъ, что императрица, приглашая д'Аламбера, обещала содержать его, какъ посланца, со всеми привилегіями, усвоенными посланца, отвести для жительства ему великолѣпный домъ, ассигновала ему 100,000 ливровъ (20,000 руб.) годоваго жалованья, съ тѣмъ, что по прошествіи 6-ти-лѣтняго пребыванія его въ Петербургъ употреблено будетъ на покупку по Франціи деревень, домовъ и другихъ, по назначенію д'Аламбера, вещи таковой суммы, проценты съ которой равнялись бы его жалованью. Вѣрныя этому извѣстію, зная щедрость монархини.

²⁾ Она издала съ пропусками въ русскомъ переводѣ. Сиб. 1803.

номъ св. Владиміра и получалъ различные подарки. Есть множество доказательствъ внимательности и благосклонности императрицы ко всѣмъ лицамъ, выдававшимся въ Европѣ умомъ, знаніемъ и оригинальнымъ образомъ мыслей, хотя бы этотъ образъ мыслей былъ и отрицательный. Баронъ Гриммъ, извѣстный своими сношеніями съ энциклопедистами, былъ назначенъ Екатериною посланникомъ при саксонскомъ дворѣ. Когда Беккарію грозили преслѣдованія въ его отечествѣ, императрица приглашала его поселиться въ Россіи. Бомарше получилъ отъ нея предложеніе издавать сочиненія Вольтера въ Петербургѣ и здѣсь же поставить на сценѣ *Свадьбу Фигаро*, запрещенную французскимъ правительствомъ. Одинъ изъ физиократовъ, Мерсье де-ла-Ривьеръ, былъ приглашенъ въ Петербургъ для совѣтовъ по законодательству: совѣты впрочемъ оказались непрактичными и заграничный юристъ, мечтавшій о себѣ слишкомъ много, принужденъ былъ убраться во свояси, получивъ подарки, но не оставивъ слѣдовъ своего вліянія. *Велизарій* Мармонтеля, осужденный Сорбоною, напелъ переводчиковъ въ императрицѣ и приближенныхъ къ ней особахъ во время путешествія по Волгѣ въ 1766 году; переводъ, помнится, былъ посвященъ с.-петербургскому митрополиту. Императрицѣ посвящено второе изданіе книги Гельвеція о *человѣкѣ*, напечатанное въ Гагѣ кн. Д. Н. Голицынымъ, посланникомъ нашимъ въ Парижѣ, находившимся въ прочныхъ связяхъ съ тогдашними корифеями литературы. Чтеніе серьезныхъ твореній философскихъ, историческихъ и политическихъ служило постояннымъ занятіемъ Екатерины въ тотъ сравнительно болѣе свободный періодъ времени, когда она еще не была императрицею и продолжалось отчасти и въ первую половину царствованія.

Такое отношеніе императрицы къ моднымъ философамъ XVIII вѣка съ перваго взгляда представляется очень стран-

нымъ. Кажется монархиня налагала руку сама на себя, покровительствуя философамъ, съ ожесточеніемъ подрывавшимъ *statu quo* и всѣ основы общественнаго порядка. Въ объясненіе этого можно сказать слѣдующее:

1) Екатерина начала свое знакомство съ философами XVIII вѣка въ ту печальную эпоху своей жизни, когда, по ея словамъ, ея *учителями были несчастье и удивленіе*. Тогда она по цѣлымъ суткамъ зачитывалась вѣтъ блестящихъ, изящныхъ, смѣлыхъ и алыхъ твореній, гармонировавшихъ съ ея острымъ и смѣлымъ умомъ и тогдашнимъ настроеніемъ духа. «Могу васъ увѣрить», писала впоследствии Екатерина къ Волтеру, «что съ 1746 года, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ я начала сама располагать своимъ временемъ, весьма много вамъ обязана. Прежде сей эпохи не читала я другихъ книгъ, кромѣ романовъ; а какъ по случаю попались мнѣ въ руки сочиненія ваши, то съ тѣхъ поръ я не переставала ихъ читать и не желала читать никакихъ другихъ книгъ, которыя не столь хорошо писаны и изъ которыхъ менѣе пользы почерпнуть можно» (I, 5).

2) Такимъ образомъ она взошла на престолъ уже вѣщанною философюю. По воцареніи она брала кое-что изъ философскаго арсенала и даже многое и важное, конечно приурочивая къ мѣстнымъ и временнымъ условіямъ. Таковъ ея знаменитый *наказъ*, основныя идеи котораго заимствованы изъ Монтескье и Беккариа. Кому не извѣстны эти идеи—отмѣненіе религіозныхъ преслѣдованій и казней за оскорбленіе величества, уничтоженіе пытокъ и смертной казни, смягченіе наказаній и наконецъ знаменитый афоризмъ: *лучше простить десять виновныхъ, нежели наказать одного невиновнаго*? и что не скажетъ, что эти идеи внушены духомъ чистаго человеколюбія? Для русскаго общества XVIII вѣка, воспитаннаго въ грубыхъ и варварскихъ преданіяхъ, помини-

паго безчеловѣчія пытки и казни Петровской и Бироновской эпохи, подобныя идеи должны были казаться лучемъ небснаго свѣта, проникающимъ сквозь почную тьму. Будемъ ли винить великую монархиню за то, что она зажгла свой свѣточъ у дымаго очага невѣрующихъ мыслителей XVIII вѣка? Нѣтъ, вѣря, что *сердце царево въ руки Божіей*, мы должны допустить, что свѣтъ челоѣколюбивыхъ идей, озарившій душу великой государыни, откуда бы онъ ни былъ заимствованъ, былъ все-таки божественный свѣтъ. Здѣсь намъ припоминается то, что сказано Маколеемъ о философахъ XVIII вѣка. «Отдавая должное Волтеру и его роднѣ», говоритъ Маколей, «мы должны сказать, что эти люди при всѣхъ своихъ недостаткахъ и заблужденіяхъ нравственныхъ и умственныхъ искренно и горячо желали улучшить состояніе челоѣческаго рода, что они объявили и вели войну всѣми бывшими въ ихъ распоряженіи средствами противъ всего, что они считали злоупотребленіемъ, и во многихъ значительныхъ случаяхъ доблестно ставили себя между сильными и притѣсняемыми— вотъ гдѣ тайна ихъ силы и вліянія! Въ то время, когда они нападали на христіанство съ злобою и ожесточеніемъ, неприличными и безчестными для людей, называвшихъ себя философами, они въ своихъ сочиненіяхъ проповѣдывали именно ту любовь къ людямъ всѣхъ классовъ и состояній, которой не доставало у ихъ противниковъ и которой требуетъ истинное христіанство». И нужно прибавить, что философія XVIII вѣка привлекала сочувствіе императрицы не отрицательною, а именно своею положительною, гуманною стороною. Въ одномъ письмѣ къ Волтеру Екатерина такъ высказала причины своего уваженія къ нему. «Быть ходатаемъ за родъ челоѣческій и защитникомъ угнетаемой невинности,— это такія рѣдкія дѣянія, которыя заслуживаютъ безсмертнаго и раждаютъ къ вамъ неизяснимое почтеніе. Вы противо-

борствовали всѣмъ совокупившимся прагамъ человѣковъ: суетѣ, вѣрью, изступленію, невѣжеству, ябедѣ, безсовѣстимъ судьямъ и той власти, которая раздроблена по разнымъ рукамъ. Для преодоленія сихъ препонъ многія качества и добродѣтели нужны; и вы доказали, что ихъ имѣете, поелику побѣдили» (I, 17).

3) Не мѣшаетъ припомнить также, что въ эпоху Екатерины была мода на философію. «Помню», пишетъ Екатерина къ Циммерману, «что въ 1740 году головы менѣ всего философскія хотѣли быть философами» (Переп. съ Цимм. 97). Въ частности была мода на государей-философовъ. Слова Платона: *счастливы тѣ народы, у которыхъ философы становятся государемъ или государь—философомъ* обратились въ сентенцію. Ихъ повторяли и директоръ с.-петербургской академіи наукъ Домашневъ въ рѣчи Густаву III-му, и Херасковъ въ заключеніи поэмы: *Нума Помпилий*, и профессоръ Забѣлинъ въ похвальномъ словѣ Екатеринѣ II-й по случаю 25-тилѣтія ея царствованія. Въ вѣкъ философскаго броженія умовъ, для вождей народа, независимо отъ личнаго сочувствія къ философіи, гораздо разсчетливѣе было присоединиться къ общему умствепному движенію и по возможности заправлять имъ, чѣмъ, оставаясь позади, подвергаться опасности быть подавлену общимъ потокомъ. Это очень хорошо понимали и сообразно съ этимъ дѣйствовали наиболѣе проницательные государи XVIII вѣка, подвергавшіеся иногда, и быть можетъ не совсѣмъ безосновательно, со стороны философовъ упреку въ лицемеріи. Фридрихъ Великій гордился именемъ *опычнаго философа*. Таковъ же былъ и Густавъ, король шведскій. Противъ этой моды на философію не могла устоять и импер. Екатерина тѣмъ болѣе, что переписка съ философами давала ей поводъ къ обнаруженію своихъ убѣжденій въ самомъ лучшемъ свѣтѣ и, если смѣемъ такъ выразиться, къ восхити-

течному бокетству. Въ этомъ отношеніи обращаютъ на себя наше вниманіе особенно два мѣста изъ ея переписки съ Волтеромъ и Циммерманомъ. «Послѣбу между нами рѣчь зашла о гордости», пишетъ императрица къ Волтеру отъ 22 іюля 1771 года, «то я по сей статьѣ намѣрена учинить предъ вами подробное исповѣданіе. Въ продолженіе сей войны (1-й турецкой) приобрѣла я великіе успѣхи и весьма естественно, что сіе приносило мнѣ много радости; но я при томъ сама себѣ говорила: Россія сдѣлается чрезъ сію войну извѣстною; узнаютъ, что сей народъ неутомимъ, что между ними обрѣтаются мужи со всѣми превосходными дарованіями и качествами героевъ; усмотрятъ, что Россія не имѣетъ недостатка въ пособіяхъ, и что она въ состояніи себя защищать и тѣхъ съ жестокостію попирать, кто учинитъ на нее нападенье. Сими разсужденіями будучи занята, никогда я о Екатеринѣ не помышляла, которая, имѣя отъ роду уже 42 года, ни въ умѣ, ни въ тѣлесныхъ качествахъ не можетъ болѣе приобрѣсть приращенія, но по уставу природы должна пребыть и пребудетъ въ одинаковыхъ положеніяхъ. Хорошо идутъ дѣла ея? тѣмъ лучше, говоритъ она. Если же бы они съ меньшимъ успѣхомъ пронаводились, то она употребила бы всѣ свои способности на приведеніе ихъ по возможности въ лучшее положеніе. Вотъ въ чемъ состоитъ мое честолюбіе; и кромѣ сего ни къ чему другому онаго не простираю. Все мною сказанное объявлено по самой справедливости» (Переп. съ Вол. V, 29).

«Мой вѣкъ напрасно меня боялся», писала императрица къ Циммерману отъ 29 генваря 1789 года, «я никогда не хотѣла кого-либо пугать, а желала быть любимой и почитаемой, если того стою, и болѣе ничего. Всегда я думала, что всѣ клеветы на меня происходятъ отъ того, что меня не понимали. Я знала весьма многихъ людей, кои были гораздо

меня умиѣе; но никогда ни противъ кого не имѣла злобы и никому не завидовала. Мое желаніе и удовольствіе состояло въ томъ, чтобы дѣлать всѣхъ счастливыми, но какъ всякой хочеть быть счастливъ по своимъ способностямъ, то желанія мои часто находили въ томъ препятствія, въ коихъ я ничего не понимала. Конечно не было злости въ моемъ славолубіи, но можетъ быть я слишкомъ много предпринимала, полагая, что люди способны сдѣлаться разсудительными, справедливыми и счастливыми. Родъ человѣческій вообще наклоненъ къ безразсудству и несправедливости, съ коими никакъ не можно быть счастливымъ. Если бы онъ слушался разсудка и справедливости, тогда бы и въ насъ нужды не было; что же касается до счастья, то всякій, какъ я выше сказала, понимаетъ его по своему. Я уважала философію, потому что въ душѣ моей была всегда отъѣнкою республиканскою, признаюсь, что такое расположеніе души съ моею неограниченною властію покажется можетъ быть чуднымъ противорѣчіемъ однакожь въ Россіи никто не скажетъ, чтобы я власть свою во зло употребляла. Люблю художества по одной склонности. Собственныя мои сочиненія почитаю бездѣлкою. Я писала въ разныхъ родахъ, и все написанное мною кажется мнѣ посредственнымъ, почему и не придавала ему никакой важности; ибо оно служило для меня только забавою. Въ политическомъ моемъ поведеніи старалась слѣдовать начертанію, которое казалось мнѣ полезнѣйшимъ для моего государства и сноснѣйшимъ для другихъ; еслибъ я знала лучшее, конечно предпочла бы оное; Европа напрасно опасалася моихъ намѣреній, кои напротивъ того были для нея совершенно полезны. Мнѣ часто платили неблагодарностью, но никто не скажетъ, чтобы я была неблагодарна. Я перѣдко метила моимъ не-пріятелямъ, дѣлая имъ добро, или прощаю ихъ. Вообще чело-вѣчество имѣло во мнѣ друга, который не измѣнялъ ему ни

въ какомъ случаѣ. Теперь кончимъ разговоръ въ царствѣ мертвыхъ и возвратимся къ живымъ» (Переп. съ Цями. 146—149). Гдѣ, какъ не въ перепискѣ съ философами можно было вести подобные разговоры въ царствѣ мертвыхъ? *Императрица-философка*, какъ называлъ Екатерину Волтеръ, въ бесѣдѣ съ своими собратьями по мысли, могла забывать, что она императрица или дѣлать видъ, что забываетъ это, могла своимъ объясненіямъ придавать характеръ политѣйшей искренности и задушевности, могла, отлагая въ сторону величіе монархини, являться просто въ образѣ прекрасной, благородно-мыслящей женщины, — и въ этомъ видѣ она еще болѣе выигрывала въ общественномъ мнѣніи Европы, потому что переписка ея съ философами вовсе не была тайною для свѣта.

Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ заключается новая причина благосклонности императрицы къ моднымъ философамъ XVIII вѣка. Волтеръ и его собратія были оракулами общественнаго мнѣнія Европы. Сознывая силу и значеніе общественнаго мнѣнія, императрица естественно старалась закупить ихъ въ свою пользу и въ пользу своего государства. Ей повечно очень пріятно было читать въ сочиненіяхъ либеральныхъ мыслителей похвалы своему управленію, какія напр. встрѣчаются въ заключеніи сочиненія Волтера: *человѣкъ въ 40 талеровъ* и въ *энциклопедіи*. Осыпанные милостями императрицы, философы были дѣйствительно усердными ея хвалителями. «Въ первомъ томѣ энциклопедіи», пишетъ Волтеръ къ Екатеринѣ (Переп. I, 179) «сочинитель, писавшій объ алфавитѣ, начинаетъ упоминать о достославной особѣ вашей, изъ чего надобно заключить, что его мысли вами столько исполнены, что онъ ни одного случая не пропускаетъ, гдѣ только можетъ о васъ говорить. Я не знаю сего автора, но съ достовѣрностію заключить можно, что онъ такой человѣкъ,

которому вы оказывали благотворенія, и который при словѣ *благодарность* долженъ говорить о вашемъ величествѣ».

Голосъ философовъ былъ надежнымъ противоѣвѣстїемъ иностраннымъ газетчикамъ, которые и тогда, также какъ и теперь, сообщали извѣстія, пропитанныя ядомъ зависти и недоброжелательства къ Россіи. «Каждое письмо», писалъ Волтеръ къ Екатеринѣ отъ 11 августа 1770 г., «которое удостоиваюсь я получить отъ вашего импер. величества, выеживаетъ меня отъ прищипяемой парижскими вѣдомостями лихорадки. Въ нихъ говорено было, будто войска ваши повсюду претерпѣваютъ уронъ; будто они принуждены совершенно оставить Морею и Валахію; будто моровое повѣтріе заразило ваши арміи и будто послѣ вашихъ успѣховъ послѣдовали всякаго рода проитрыни. Но ваше величество дѣлаетесь моимъ врачомъ. Вы совершенно возвращаете мнѣ здоровье. Какъ скоро получаю я отъ васъ извѣстія, тотчасъ стараюсь описывать дѣла въ настоящемъ ихъ видѣ, а чрезъ то заставляю въ свою очередь морщиться тѣхъ, кои меня печаливали... Еще разъ повторяю, всемилостивѣйшая государыня, мою просьбу увѣдомить изъ милосердія о пяти или шести взятыхъ городахъ и о пяти или шести выигранныхъ сраженіяхъ, хотя для того только, чтобы заставить умолкнуть ненависть» (Переп. I, 125—128). Во время 2-й турецкой войны императрица вела переписку съ Циммерманомъ, между прочимъ съ тою же цѣлію, т. е. чтобы возстановлять истину, искажаемую западными газетчиками, злонамѣренность и лживость которыхъ была видна для нея слишкомъ ясно. «Если происшествія, бывшія въ теченіе XVIII столѣтія», писала императрица къ Циммерману отъ 26 генваря 1791 г., «доставили Россіи славу, если, по вашимъ словамъ, завистники часто были поражаемы опиди отъ удивленія, то не надобно тому искать другой причины, кромѣ ухищреній

и козней враговъ имперіи, которые желая причинить ей великія бѣдствія, принудили ее открыть способы, о коихъ никто не думалъ.. Войны, на насъ воздвигнутыя, никогда не имѣли другаго дѣйствія, какъ только дѣлали наши войска побѣдоносными.... Не взирая на все это, говорили тогда, какъ говорятъ и теперь, что у насъ нѣтъ ни денегъ, ни войскъ, ни пособій. И тогда платили, и теперь платимъ газетчикамъ, чтобъ они писали безразсудныя затѣи, приписывая ихъ Россіи, будто она старается разрушить всѣ правительства кознями, деньгами или силою. Здѣсь они сами себѣ противорѣчаютъ, ибо у кого нѣтъ ни денегъ, ни силы, тотъ не можетъ давать цервухъ, ниже употреблять послѣдней... Вражда къ Россіи въ нѣкоторыхъ людяхъ столь далеко простирается, что они ненавидятъ даже и частныхъ людей. Наслышась ихъ рѣчей и сочиненій, скажетъ иной, что у насъ нѣтъ людей ни въ какомъ родѣ, даже и военныхъ. Однакожъ кажется, что наши генералы должны бы имѣть нѣкоторое право на ихъ почтеніе, служивъ въ толикихъ войнахъ, выигравъ столько сраженій, взявъ столько городовъ, побивъ столько войскъ въ Европѣ и Азій, завоевавъ столько областей, что на свѣтѣ много цѣлыхъ поколѣній, которыя сдѣлали и видѣли меньше, нежели у насъ одинъ человѣкъ... Можетъ быть для того считаютъ насъ безъ денегъ, что мы вынимаемъ оныя изъ сундуковъ своихъ безъ всякихъ при томъ обрядовъ, кои бы придавали тому важность. И то еще правда, что казначейства помѣщены не въ самыхъ погребяхъ моихъ покоевъ, а какъ сіи, думаю, пусты, то и говорятъ, что они не наполнены, и въ семь случаевъ говорятъ правду. Но до сихъ поръ, слава Богу, когда надобны были деньги, мы давали ихъ безостановочно. (Переп. съ Цимм. 170—171). Императрица знала, что ея письма къ философамъ произведутъ преднамѣренное ею дѣйствіе еще прежде, чѣмъ попадутъ въ руки ея корреспондентъ-

толь. Въ дневникѣ статсъ-секретаря императрицы Храповицкаго подъ 26 января 1791 г. помѣчено: «Читано мнѣ письмо на французскомъ языкѣ, собственноручно къ Циммерману писанное, которое нарочно чрезъ Берлинъ по почтѣ отправится, чтобы тамъ увидѣли, что всѣ усилія враговъ Россіи произвели ея славу и побѣды. *Хочу доказать пруссакамъ*, (говорила императрица), что ихъ не боимся, *et qu' ils penseront deux fois, avant d' entreprendre quelque chose*» (пусть они подумаютъ два раза прежде, чѣмъ рѣшиться на что нибудь). Подобная же помѣтка есть и при отсылкѣ письма Циммерману 6 іюня того же года. Въ другой разъ императрица говорила Храповицкому, что ей удалось чрезъ переписку съ Волтеромъ смѣнить французскаго министра Шуазеля¹⁾.

Пользу для Россіи, извлекаемую изъ сношеній съ модными философами, сама императрица выставляла, какъ важнѣйшее для себя оправданіе противъ людей, которые порицали ее за такія сношенія. Сохранилось одно ея письмо къ кому-то (отъ 17 сент. 1789 г.), заключающее въ себѣ оправданіе ея прежней переписки съ Волтеромъ. Императрицу упрекало за это какое-то третье лицо, судя по обстоятельствамъ—митр. московскій Платонъ, какъ извѣстно, очень не расположенный къ Волтеру и энциклопедистамъ. Императрица старается доказать, что въ перепискѣ не было ничего предосудительнаго, и что здѣсь она заботилась всего болѣе о славѣ Россіи. «Вы можете отвѣтствовать», читаемъ въ этомъ любопытномъ письмѣ, «что менѣ всего ожидать надлежало благотворительной рукѣ отъ святительской особы осыпанной, отличенной и возведенной щедростью и щедротами,—безразсудной толкѣ извѣстной переписки, которой одно злобою наполненное сердце лишь можетъ дать кривое толкованіе; понеже

¹⁾ Въ *Русск. архивѣ* 1864 г. (561—568) напечатано письмо гр. Шуазеля къ Волтеру и отвѣтъ Волтера, откуда видно, что соч. Волтера *Набавъ на разбужденіе королей* (le tassin des rois) написано по заказу И. Екатерины за 1000 червонцевъ.

сама собою та переписка весьма пестрина, въ такое время, когда 80-лѣтній старикъ старался своими по всей Европѣ жадно читаемыми сочиненіями прославить Россію, унижить враговъ ея и удержать дѣятельную вражду своихъ соотечичей, кои тогда старались распространить повсюду язвительную злобу противу дѣлъ нашего отечества, въ чемъ и предъусиѣль. Въ такомъ виду и намѣреніи письма, писанныя къ безбожнику, кажется не нанесли вреда ни церкви, ни отечеству» (Русск. Архивъ 1866 № 1, стр. 71—72).

Къ чести императрицы нужно сказать, что пламенная забота о славѣ Россіи проглядываетъ чуть не на каждой страницѣ ея переписки. Каждое укоризненное для Россіи замѣчаніе сейчасъ же вызывало возраженіе и опроверженіе со стороны императрицы. Извѣстно, что Екатерина сама писала возраженіе противъ книги аббата Шаппа *Voyage en Sibirie* подъ заглавіемъ: *Antidote*. На ту же тему Екатерина разсуждаетъ и въ перепискѣ съ Вольтеромъ. «Я нашла, государь мой (пишетъ она), въ энциклопедич. предложеніяхъ, наполненныхъ сколько новыми, столько и преизящными мыслями, въ статьѣ о общенародномъ хозяйствѣ 5 тома на 16 стр. слѣд. слова: *пусть дастся Сибири, соединенной съ Камчаткою,.... Куръ самодержцемъ, Солонъ законодателемъ, герцогъ Сюлли и Колбертъ главными казначеями, герцогъ Шоазель министромъ надъ военными и мирными дѣлами, а Ансонъ адмираломъ, то они тамъ со всеми великими и въ талантами умрутъ съ голоду*. Я не говорю ни слова о всѣхъ странахъ сибирскихъ и камчатскихъ далѣе 63 градуса лежащихъ, но позвольте мнѣ вступиться за тѣ земли, которыя находятся между 63 и 45 градусами... Урожай хлѣба бываесть тамъ столь великъ, что кромѣ того что прокармливаетъ всѣхъ тамошнихъ жителей, тамъ есть еще множество винокуренныхъ заводовъ, но и за тѣмъ еще остается очень довольно хлѣба для развозу въ зимнее время сухимъ путемъ, а въ лѣтнее время по рѣкамъ на судахъ къ Архангельску, откуда потомъ

отправляется хлѣбъ въ иностранныя государства. Можетъ быть во многихъ мѣстахъ, питавшихся тамошнимъ хлѣбомъ, говорили, что въ Сибири хлѣбъ никогда не поснѣвается». Затѣмъ императрица распространяется о другихъ произведеніяхъ природы, какими богата Сибирь, о животныхъ, минераллахъ, кедровыхъ лѣсахъ, мамонтовыхъ костяхъ, — вообще — говоря ея словами — *употреблены* предъ Волтеромъ за Сибирь свое *ходатайство* (Переп. II, 53—56). Замѣчательно, что императрица вступалась не только за природу своей страны, но вопреки вольнодумнымъ воззрѣніямъ Волтера поднимала голосъ въ защиту русской церкви и русскаго духовенства. «Димитрій, митр. новгородскій», писала императрица Волтеру, «не есть ни гонитель, ни суетвѣръ» (Переп. I, 11). «Нѣкто, переведши «бнигу, представилъ сему архіерею: онъ прочитавъ сказалъ переводчику: *советую вамъ не выпускать ее въ свѣтъ; ибо она содержитъ въ себѣ такіа правила, кои основываютъ «дѣя власти»*» (Ibid. I, 23). Также съ хорошей стороны хотѣла Екатерина отрекомендовать Волтеру и Платона (впослѣдствіи митр. московскаго), препроводивъ къ Волтеру его проповѣдь по случаю чесменской побѣды. Рассказывая о бунтѣ московской черни во время чумы, императрица называетъ убитаго чернью архіепископа Амвросія человекомъ умнымъ и почтеннымъ (Ibid. II, 51). Вотъ — какъ бы такъ хотѣла сказать Екатерина Волтеру, — каковы въ Россіи духовныя лица; не то, что на западѣ суетвѣры и фанатики! Волтеръ впрочемъ довольно холодно принималъ подобныя рекомендаціи. Всего замѣчательнѣе полемика между императрицею и Волтеромъ по вопросу о цѣлованіи священническихъ рукъ. Волтеръ съ обыкновенною своею беззащитностію писалъ слѣдующее. «умоляю васъ, всемілостивѣйшая государыня, внести въ уложеніе ваше особливый законъ, который бы не позволялъ никому у поповъ цѣловать руки.... Правда, что Христосъ

позволялъ Магдалинѣ цѣловать Его ноги, но ни наши попы, ни ваши ничего общаго съ Христомъ не имѣють» (Ibid. II, 200)... Отказываемся выписывать дальнѣйшія строки, полныя грубаго цинизма. Императрица счумѣла рѣшить вопросъ съ кротостію и достоинствомъ, и, не оскорбляя Волтера, защитить русское духовенство. «Что принадлежитъ до сдѣланнаго вами вопроса о цѣлованіи священническихъ рукъ, то я вамъ скажу, что это принятое греческою церковію обыкновеніе, которое установлено, какъ я думаю, почти въ одно время съ нею.. Я съ 14 году соображалась сему обыкновенію.. Если вы сами, пріѣхавъ сюда, сдѣлаетесь здѣсь священникомъ, то я буду у васъ просить благословенія, но полученіи же онаго охотно поцѣлую ту руку, которая столь много хорошаго, столь много полезныхъ истинъ написала» (Ibid. II, 198). Очень часто желаніе представить Россію въ лучшемъ свѣтѣ доводило императрицу до неправдоподобныхъ преувеличеній. «Въ Россіи подати столь умѣренны», пишетъ императрица, «что нѣтъ у насъ ни одного крестьянина, который бы, когда ему вздумается не ѣлъ курицы, а въ иныхъ провинціяхъ съ нѣкотораго времени предпочитаютъ курицамъ индѣйскихъ пѣтуховъ... Равномѣрно и размноженіе народа чувствительно; въ нѣкоторыхъ провинціяхъ въ семь лѣтъ стало быть десятою долею болѣе прежняго числа обитателей» (Ibid. I, 56). Стоитъ только прочесть описаніе московскаго бунта во время чумы (Ibid. II, 51 и слѣд.) чтобы видѣть, какъ императрица, смѣемъ сказать, искажала факты, чтобы представить ихъ въ благопріятнѣйшемъ для Россіи свѣтѣ. Но для русскаго сердца умилительно видѣть горячій патріотизмъ великой монархини, который самъ по себѣ служитъ достаточнымъ оправданіемъ ея сношеній съ философами XVIII вѣка.

Изъ чести императрицы нужно прибавить еще, что она, пользуясь для прославленія Россіи модными философами, какъ

органами общественнаго мнѣнія, не увлекалась ихъ утопіями, не становилась безусловно подъ ихъ вліяніе, но съ здравымъ практическимъ тактомъ умѣла отличать въ ихъ идеяхъ полезное отъ бесполезнаго и неприменимаго. Мы видѣли это отчасти изъ исторіи ея отношеній къ Вольтеру и Дидро. Тоже самое еще въ большемъ свѣтѣ открывается изъ исторіи ея отношеній къ ла-Ривьеру, котораго Вольтеръ называлъ въ шутку бѣднымъ Солономъ, пріѣхавшимъ давать уроки сѣверной монархіи (Переп. II, 199). Мсрсье де-ла-Ривьеръ былъ авторъ сочиненія *о естественномъ и существенномъ порядкѣ политическихъ обществъ*, пользовавшагося блестящимъ успѣхомъ между политико-экономами. Императрица, желавшая познакомиться съ политической экономіею, пригласила ла-Ривьера въ 1767 г. въ Россію, и предложила ему пріѣхать прямо въ Москву, гдѣ собиралась въ то время комиссія депутатовъ для составленія новаго уложенія. «Г. де-ла-Ривьеръ», рассказывала впослѣдствіи императрица франц. посланнику гр. Сегюру, «недолго собирался и по пріѣздѣ своемъ немедленно нанялъ три смежныхъ дома, тотчасъ же передѣлалъ ихъ совершенно и изъ парадныхъ покоевъ подѣлалъ приемныя залы, а изъ прочихъ—комнаты для присутствія. Философъ вообразилъ себѣ, что я призвала его въ помощь мнѣ для управленія имперіею и для того, чтобы онъ сообщилъ намъ свои познанія и извлекъ насъ изъ тѣмъ невѣжества. Онъ надъ всѣми этими комнатами прибилъ надписи преобладающими буквами: *департаментъ внутреннихъ дѣлъ, департаментъ торговли, департаментъ юстиціи, департаментъ финансовъ, отдѣленіе для сбора податей* и пр. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приглашалъ многихъ изъ жителей столицы, русскихъ и иностранцевъ, которыхъ ему представили какъ людей свѣдущихъ, явиться къ нему для занятія различныхъ должностей соотвѣтственно ихъ способностямъ. Все это надѣлало шуму въ

Москвѣ, и такъ какъ всѣ знали, что онъ пріѣхать по моей волѣ, то нашлись довѣрчивые люди, которые уже заранѣе старались къ нему поддѣлаться. Между тѣмъ я пріѣхала и прекратила эту комедію. Я вывела законодателя изъ заблужденія. Нѣсколько разъ поговорила я съ нимъ о его сочиненіи, и разсужденія его, признаюсь, мнѣ понравились, потому что онъ былъ не глупъ, но только честолюбіе темного помутило его разумъ. Я, какъ слѣдуетъ, заплатила за всѣ его издержки, и мы разстались довольны другъ другомъ. Онъ оставилъ намѣреніе быть первымъ министромъ и уѣхалъ довольный, какъ писатель, но нѣсколько пристыженный, какъ философъ, котораго честолюбіе завело слишкомъ далеко» ¹⁾.

По слѣдамъ императрицы шли въ сочувствіи къ философамъ XVIII в. и ея подданные, не оказавшіе впрочемъ при этомъ ни того патріотизма, ни того практическаго такта, какими отличалась великая монархия. Духъ подражанія прежде всего коснулся вельможъ и придворныхъ, для которыхъ было почти немислимо путешествовать за границу и не съѣздить на поклоненіе знаменитому фернейскому философу. Въ письмахъ Волтера упоминается о посѣщеніяхъ кн. Голицына, кн. Дашковой, гр. Орлова, кн. Козловскаго и другихъ. Отъ 10 марта 1770 г. Волтеръ пишетъ: «думаю, что я (отправившись на тотъ свѣтъ) перескажу Петру Великому о молодомъ князѣ Голицынѣ, препроводившемъ сію ночь въ моей фернейской хижинѣ. Я всегда плѣняюсь чрезвычайно вѣжливостію вашихъ подданныхъ; сколько они отличаются разумомъ, столько исполнены храбростію (Переп. I, 95). Отъ 15 мая 1771 г. Волтеръ пишетъ: «я имѣлъ честь видѣть у себя въ пустынѣ княгиню Дашкову. Лишь только вошла она въ залъ, тотчасъ узнала вашъ портретъ, по атласу вы-

¹⁾ Записки Сегюра. Спб. 1865. Стр. 148—149.

тканый и гирляндами украшенный. Изображеніе ваше видно имѣть особенную сокровенную силу. Ибо я видѣлъ, что когда кн. Дашкова смотрѣла на сіе тканье, то глаза ея орошались слезами. Она говорила мнѣ четыре часа сряду о нашемъ импер. величествѣ, и мнѣ время показалось не болѣе, какъ за четыре минуты» (Ibid. I, 218). «Наконецъ», пишетъ Волтеръ отъ 27 мая 1772 г., «я имѣлъ честь видѣть одного изъ пяти Орловыхъ. Героевъ, извѣстныхъ подъ именемъ дѣтей Емоновыхъ, тѣхъ было только четверо, а сихъ пять. Я видѣлъ изъ нихъ того, который ни вочто не вступается и живетъ философохъ: онъ меня удивилъ и заставилъ еще болѣе сожалѣть, что я не имѣлъ чести видѣть прочихъ четырехъ» (Ibid. II, 111). Не пропускали своими визитами русскіе вельможи и другихъ модныхъ философовъ; извѣстно напр., что княгиня Дашкова посѣщала Дидро и имѣла съ нимъ знаменитый разговоръ о крѣпостномъ правѣ, доказывая необходимость его для русскаго крестьянина. Циммерманъ хвастался своею дружбою съ кн. Григоріемъ Орловымъ. «Не успѣлъ я видѣться съ нимъ четверть часа» писалъ Циммерманъ государынѣ, «какъ уже сердце мое было ему предано. Я былъ его другомъ, прежде нежели онъ оставилъ Ганноверъ, а въ Ембсѣ, гдѣ былъ я у него съ утра до вечера цѣлыя 4 недѣли, онъ сдѣлался моимъ. Я видѣлъ, какъ сей великій человѣкъ плакать, обнимая меня, когда я ему сказалъ, что не могу по его желанію препроводить съ нимъ жизнь мою» (Переп. Цимм. 12). Извѣстно также, что князья Голицыны и Долгоруки, русскіе посланники при французскомъ и прусскомъ дворахъ, состояли въ самыхъ живыхъ сношеніяхъ съ энциклопедистами.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ русскіе вельможи, обладая въ совершенствѣ французскимъ языкомъ и зная его лучше своего природнаго, читали въ подлинникѣ сочиненія модныхъ философовъ или по крайней мѣрѣ, чтобы не отстать отъ вѣка,

держали ихъ въ своихъ библіотекахъ. Извѣстно, что императрица, покровительствовавшая распространенію книгъ, нерѣдко говорила тому или другому вельможѣ: «я слышала, что у васъ прекрасная библіотека; я собираюсь сама побывать у васъ и осмотрѣть ее». Вельможа, до того времени мало заботившійся о книгахъ, понималъ намекъ: тотчасъ въ его домѣ отдѣлялась для библіотеки огромная зала, уставлялась шкафами, выписывалось множество книгъ и въ изящныхъ переплетахъ размѣщалось по полкамъ въ ожиданіи высокой посѣтительницы. Какія же книги красовались на полкахъ вельможеской библіотеки? Разумѣется прежде всего тѣ, которыя любила и читала сама императрица: сочиненія Вольтера, Дидро, д'Аламберта, Руссо и др. занимали самое почетное мѣсто ¹⁾. Наступала свободная пора и вельможа снималъ съ полки и читалъ какого-нибудь изъ многотомныхъ философовъ; а если самому ему не удавалось, за то съ жадностію зачитывалось модныхъ книгъ его молодое поколѣніе.

Тѣ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые не могли читать философскихъ сочиненій въ подлинникѣ, знакомились съ ними посредствомъ многочисленныхъ переводовъ. Пр. Евгений (впослѣдствіи м. кіевскій) въ предисловіи къ изданной имъ книгѣ: *Вольтеровы заблужденія*, соч. аббата Нонота (переводъ студ. воронежской сем.), замѣчаетъ, что по печатнымъ переводамъ нельзя еще опредѣлить всю сумму вліянія Вольтера на русское общество, потому что множество переводовъ ходило въ рукописяхъ. Но мы находимъ, что и печатныхъ переводовъ Вольтера во время Екатерины было очень достаточно, въ доказательство чего сообщаемъ алфавитный списокъ ихъ, обязательно сообщенный намъ, С. И. Попомаревымъ.

¹⁾ Пишущій эти строки имѣлъ возможность лично убѣдиться въ подобномъ составѣ вельможескихъ библіотекъ при разборѣ одной такой библіотеки въ Москвѣ.

Алфавитный списокъ переводовъ соч. Вольтера при Екатеринѣ.

Аллегорич., философ. и критич. сочиненія В. пер. И. Рахманинова. Спб. 1784. (Смирд. III, 2).

Альзира или американцы, трагедія пер. П. Карабанова. Спб. 1786. (Смирд. 6859; Сопик. 2610 въ 1794).

Брутъ, трагед. 5 д. Левлева. М. 1783. (Смирд. 6872).

Вадины сказки (бѣлый и черный, Жанотъ и Кодинъ). Спб. 1771. (Смирд. 9632; Сопик. 2542 въ 1772 г.).

Ведкая всячина, отрывки изъ смѣси. Спб. 1789. (Смирд. 6321).

Генеральное мнѣніе о тактикѣ Гильберта, пер. О. Левченкова 1777. (Смирд. 6320; Сопик. 2548; тоже пер. Кострова Сопик. 2604; тоже пер. Огіевского Смирд. 8230).

Генріада, поэма 10 пѣсень пер. Я. Княжнина. Спб. 1777. (Смирд. 6681). Тоже перев. съ фр. М. 1790. (Смирд. 6680). Въ *запискахъ Современника* (Спб. 1859; ч. I, 98) читаемъ: «кто въ Москвѣ знаетъ о Корцевѣ, переводчикѣ столькихъ лучшихъ сочиненій Вольтера: Генріады, Брута, Орлеанской дѣвственницы, и проч.»—Но кажется переводы его не были печатаемы; мы рѣшительно нигдѣ въ каталогахъ не встрѣчали ихъ.

Гуронъ или простодушный, пер. Левицкаго. Спб. 1789. (Смирд. 8685).

Древняго и новаго вѣка люди. Спб. 1777. (Смирд. 8728; Сопик. 3478).

Естественный законъ, поэма пер. И. Виноградова. Спб. 1786. (Сопик. 2590).

Задіяхъ или судьба. Спб. 1765. Пер. И. Голенищева-Кутузова. Спб. 1788. Спб. 1795. (Смирд. 8816; Сопик. 2553—2555).

Заира, трагедія 5 д. Спб. 1779. (Смирд. 6902 и 6903; по Сопикову въ 1777 г.).

Исторія о крестовыхъ походахъ. Спб. 1772. (Сопик. 2557). Спб. 1782. (Смирд. 3076; съ 4 прибавленіями пер. Вельяминова-Вольнцева). Спб. 1783 безъ 4-хъ прибавленій (Смирд. 3076).

Исторія сокращенная о смерти Жака Халаса, пер. Е. Ровнотовскаго. Спб. 1788. (Смирд. 3450).

Кандидъ, романъ, пер. Башилова. Спб. 1769, 1789. (Смирд. 8892; по Сопикову въ 1779 г.).

Китайскій синопта пер. *Дачева. Спб. 1788. (Смирд. 6916;* по Сопикову въ 1795).

Лѣтопись царствованія импер. Карла великаго, пер. Турковского 5 книгъ. Спб. 1788. (Смирд. 3075).

Мелкія повѣсти о добромъ Браминѣ. Спб. 1783. (Смирд. 9034).

Меконѣи или желающіе быть мудрымъ, пер. Ну***гинъ. Спб. 1782. (Смирд. 9012).

Мерона, трагедія, пер. Г. Майкова. М. 1775. (Смирд. 6929).

Микромегасъ, романъ. Спб. 1788. (Смирд. 9013).

Набатъ на разбужденіе королей. Спб. 1779 (Смирд. 2202).

Нонина, комед. 3 д. Спб. 1766. М. 1788. (Смирд. 7201).

Нескромный ком. 1 д. Спб. 1760 (Смирд. 7224), 1766. (Сопик. 2856).

Новое расположеніе исторіи человѣческаго разума. Спб. 1775. (Смирд. 6317); 1777 (Сопик. 2573).

Оптимизмъ, продолженіе Кандида. Спб. 1779. (Смирд. 9138).

Опытъ историч. и критич. о несогласіяхъ церквей въ Польшѣ В. Третьяковскаго. Спб. 1768. (Смирд. 799).

Тоже, переводъ князя Г. Мещерскаго. М. 1778. (Смирд. 798 по Сопиков. 1776 г. № 2576 и 2577).

Переписка съ епископомъ А***, съ приложеніемъ поэмъ о пыткихъ дѣлахъ. Спб. 1771. (Смирд. 6356 и 787).

Политическое завѣщаніе, пер. Рахманинова. Спб. 1785. (Смирд. 2218).

Поэма о кнѣзѣнскихъ дѣлахъ... Спб. 1771. (Сопик. 2592).

Принцесса вавилонская, романъ, пер. Ѳ. Полунина. М. 1770. (Сопик. 2593). Спб. 1781 и 1788. (Смирд. 9286).

Путешествіе Скарментадовъ, романъ. М. 1778. (Смирд. 9403).

Путешествіе сына Кандидова въ Эльдorado, 2 ч. М. 1810. (Смирд. 9321).

Путь счастья человѣческаго. Спб. 1772 и 1790. (Смирд. 1382).

Россіянинъ въ Парижѣ. Спб. 1788. (Сопик. 2596).

Сатирическій духъ В., 2 ч. Спб. 1788. (Сопик. 2603).

Сатирическія и философскія сочиненія В. (Смирд. 1215) 1784 г.

Сѣтъ каковъ есть. 1766. (Смирд. 8816; Сопик. 2553).

Слово похвальное надгробное Людовику XV. Спб. 1780. (Сопик. 2587).

Слово похвальное франц. офицерамъ, павшимъ 1741, пер. Неплюева. М. 1786. (Смирд. 6550).

Смерть Цезаря, трагедія. Спб. 1774. (Сопик. 2607); пер. Іевлева 1777 и 1787 (Смирд. 6964).

Смѣсь—статьи философскія, нравоучительныя, аллегорическія и критич. И. Я. 2 ч. Спб. 1789. (Сопик. 2599).

Собраніе сочиненій В. 2 ч. пер. Рахманинова. Спб. 1785. (Смирд. 6299; Сопик. 2600).

Тоже, изд. 2-е дополненное, 3 ч. пер. Козлова (Сопик. 2601) 1792 г.

Торжество немилосердія. М. 1782 (Смирд. 3448).

Три разговора. Спб. 1777. (Смирд. 6396).

Философич. рѣчи о человѣкѣ, пер. Рахманинова. Спб. 1788. (Сопик. 2617).

Человѣкъ въ 40 талеровъ, пер. Галченкова. Спб. 1780 и 1785 (Сопик. 2618; 12,562). Изд. съ фигурами Спб. 1792. (Смирд. 9545).

Человѣкъ съ латынью.

Эдипъ, трагедія, пер. А. Голицына. М. 1791 (Смирд. 6982), а по Сопикову 1789 г. (№ 2608).

Кромѣ того въ росписи сочиненій Волтера, приложенной Сопиковымъ при изданной въ русскомъ переводѣ перепискѣ импер. Екатерины съ Волтеромъ, Сопиковъ упоминаетъ о слѣдующихъ десяти сочиненіяхъ Волтера, переведенныхъ на русскій языкъ: 1) храмъ вкуса, 2) Сократъ, драма, 3) шотландецъ, комедія, 4) письмо о словахъ похвальныхъ, 5) повѣсть молодого Энни, 6) письмо Амабеда, 7) похождение памяти, 8) уши графа Честерфильда, 9) Слѣпыя, судящіе о цвѣтахъ, романъ и 10) Бобабекъ и Факира, романъ. Мы не могли найти, когда и гдѣ всѣ эти переводы были напечатаны, но такъ какъ роспись составлена Сопиковымъ до 1802 г., то несомнѣнно, что и всѣ вышеупомянутыя сочиненія переведены были на русскій языкъ до 1802 года, и по всей вѣроятности въ царствованіе импер. Екатерины. Кромѣ сочиненій Волтера были переводимы на русскій языкъ сочиненія и другихъ модныхъ философовъ, Руссо, Дидро, Гельвеція и другихъ.

Что же вычитывалъ русскій человѣкъ въ переводныхъ сочиненіяхъ иностранныхъ философовъ, какими наводнилась тогда русская литература? Не мало вольнодумныхъ и отрицательныхъ воззрѣній. Раскрываемъ находящуюся у насъ подъ руками книгу: *человѣкъ въ 40 талеровъ* (Спб. 1780) и на стр. 74 и слѣд. читаемъ слѣдующее:—*человѣкъ въ 40 талеровъ* спрашиваетъ: для чего монахи, будучи сами въ малолѣдствѣ, толь многіе сорока талеровъ издерживаютъ? Развѣ они полезнѣе меня отечеству?—Нѣтъ, любезный сосѣдь.—Стараются ли они по моему о населеніи государства?—По-

видимому совсѣмъ нѣтъ.—Пашутъ ли они землю? Защищаютъ ли отечество, когда оно угнетаемо бывасть?—Нѣтъ, они молятся за тебя Богу.—Изядно; такъ и я за нихъ молиться буду, а денешки дѣлать станемъ вмѣстѣ.—«Всякъ знаетъ, читаемъ далѣе,—что монахи суть такіе люди, которые собираются въ монастырь, не вѣдая другъ друга, живутъ безъ взаимной любви и умираютъ безъ прискорбія. Такъ вы думаете, что имъ бы оказали отмѣнную услугу, если бы ихъ разстригли? Да, безъ сомнѣнія; они бы чрезъ то много выиграли, а государство и того болѣе; отечеству возвратили бы гражданъ, гражданъ, которые безразсудно жертвовали вольностію своею въ такихъ лѣтахъ, когда еще законы располагать землею и въ 10 копѣекъ не дозволяютъ. Сіи мертвыя тѣла извлечены-бъ были изъ гробовъ и тогда-бъ истинное воспослѣдовало воскресеніе. Изъ ихъ бы домовъ подѣлали ратуши, больницы, народныхъ училища или руководѣльные заводы. Народъ бы отъ того умножился и всѣ бы искусства процвѣтать стали. Сіе множество добровольныхъ жертвъ, по крайней мѣрѣ, можно-бъ было уменьшить, назначивъ ихъ извѣстное число. Отечество имѣло-бъ болѣе полезныхъ людей и менѣе несчастныхъ. Что бы дѣлала теперь Англія, если-бъ она вмѣсто 40000 мореходцевъ имѣла 40000 монаховъ? чѣмъ болѣе искусства распространяются, тѣмъ большее требуется число трудолюбивыхъ гражданъ. Извѣстно также, что въ монастыряхъ много отмѣнныхъ людей заключается, которые въ разсужденіи государства погибшими почестся могутъ. Для приведенія въ цвѣтущее состояніе правительствъ надлежитъ имѣть какъ возможно менѣе духовенства и какъ возможно болѣе художниковъ. Невѣжество и грубость нашихъ предковъ не есть правило для насъ въ поступкахъ нашихъ, но предъувѣдомленіе поступать такъ, какъ бы они поступали, если бы были столь просвѣщены, какъ мы.—«Я въ томъ

съ вами согласенъ (отвѣчать человѣкъ въ 40 талеровъ), и не хочу, чтобы сынъ мой былъ монахомъ. Впрочемъ ежели бы я зналъ что мнѣ дѣтей имѣть должно для монастыря, то бы право и съ женой болѣе спать не сталъ. Да и правду сказать, какой бы добрый семейства отецъ не воздыхалъ, видя своего сына или дочь для общества погибша! Сие называется спасаться; но солдатъ, когда во время сраженія спасается, наказанъ бываетъ. Мы же въ разсужденіи отечества нашего всѣ солдаты, живемъ на жаловань общества и оставляя оное измѣнниками дѣлаемся. Но полно, что говорить? Монахи всѣ вообще суть убійцы, истребляющіе кѣлое потомство. Деяносто тысячъ затворниковъ, которые болтають или гнусять по-латыни, могли бы каждой изъ нихъ произвести двухъ подданныхъ государю, что составить 180,000 человѣкъ, ~~заключенныхъ~~ ^{запертыхъ} они въ безженствѣ своемъ погубляютъ. По простствіи эта лѣтъ утрата сія чрезмѣрно велика; это уже доказано».

Перевертываемъ нѣсколько страницъ. Человѣкъ въ 40 талеровъ разговариваетъ съ полковымъ штабъ-лекаремъ о любовномъ недугѣ. *«Лекаръ. Двѣ сестры т. е. воспа и помянутая болѣзнь гораздо болѣе истребляютъ рода человѣческаго, нежели монахи. Человѣкъ въ 40 талеровъ. Вотъ еще новая причина, для которой монаховъ уничтожить должно, дабы они, причтены будучи въ число людей, нѣсколько исправили бѣдствіе, наносимое ими двумя сестрами. Но скажите, пожалуйста, подвержены ли и скоты таковой язвѣ? Лекаръ. Нѣтъ; они не знаютъ также ни воспы, ниже монаховъ. Человѣкъ въ 40 талеровъ. Такъ надобно признаться, что они счастливейше и разумнѣе насъ въ семъ наилучшемъ свѣтѣ»* (стр. 105).

Удерживаемся пока отъ болѣе подробнаго изображенія міросозерцанія, выносимаго русскими читателями изъ сочиненій модныхъ философовъ, и обратимся снова къ указанію путей,

какими проникали на Русь модныя идеи. Не говоря уже о переводах, модныя идеи проникали на Русь и чрез оригинальную литературу, отражаясь въ самостоятельных произведеніяхъ русскихъ писателей. И—что всего замѣчательнѣе—не мало вольнодумныхъ сужденій можно найти у писателей весьма почтенныхъ, консервативныхъ и вовсе не расположенныхъ къ вольнодумству, каковы напр. Щербатовъ, Болтинъ, Державинъ, Фонъ-Визинъ,—что и служить яснѣйшимъ доказательствомъ того, что модная философія была тогда такъ сказать въ воздухѣ, усвоялась такъ или иначе всѣми образованными людьми Екатерининскаго времени, и передавалась ими даже почти безсознательно. Князь Щербатовъ,—русскій исторіографъ при импер. Екатеринѣ былъ человѣкъ набожный и религіозный, большой любитель русской старины и можно сказать славянофилъ Екатерининскихъ временъ; генералъ Болтинъ, другой знатокъ русской исторіи и апологетъ ея противъ нападеній француза Леклерка, былъ также по крайней мѣрѣ горячій патриотъ: тѣмъ не менѣе ихъ историческіе труды представляютъ собою ничто иное, какъ приложеніе ходячихъ на западѣ отрицательныхъ идей къ фактамъ русской исторіи.

Модные философы XVIII вѣка не признавали никакихъ чудесъ. Также рассуждаютъ Болтинъ и Щербатовъ. Болтинъ прямо высказываетъ, что историкъ, рассказывающій о чудесныхъ событіяхъ, теряетъ въ его глазахъ всякое довѣріе. «Если вѣрить», говоритъ онъ, «чудесамъ въ родѣ того, напр., чтобы могъ получить зрѣніе тотъ, у кого глазныя яблоки исторгнуты, то не остается ни малыхъ свободы разуму къ рассужденію; все будетъ возможнымъ и естественнымъ и не будетъ различія между глазомъ и зубомъ, который выдернувъ можно на мѣсто его новый вставить». Щербатовъ также о чудесахъ русскихъ лѣтописей говоритъ, что «въ пылкія просвѣщенные вре-

мена, когда всё чудеса измѣряютъ мѣрилою здраваго разсудка и истиннаго Любомудрія, имъ никто не повѣритъ». Философы XVIII вѣка яростно нападаютъ на суевѣріе прелкихъ временъ, при чемъ нерѣдко задѣваютъ и истинную религію. Тѣ же самыя нападки на суевѣріе мы находимъ и въ трудахъ Болтина и Щербатова. Вотъ отзывъ Болтина о религіозномъ состояніи Россіи въ концѣ XVII вѣка: «вѣкъ тогдашній благовременъ былъ пустосвятству, обману и подлогамъ. Ханжи и лицемѣры чудесамъ не вѣрили, но пользу свою обрѣтали; большая часть народа вѣрила и обманщиковъ обогащала; нѣкоторые видѣли обманъ, но говорить не смѣли, и таковыхъ было немного. Сколько вещей обыкновенныхъ, простыхъ, ничего не значащихъ, принято было за святыню, за предметъ почтенія и уваженія! Отъ Петра Великаго престоли сія чудотворенія, перевелися плутовства и плуты при духовенствѣ просвѣщенномъ! Не менѣе сильно вооружается Щербатовъ противъ суевѣрія или, какъ онъ выражается, бѣсновѣрія. «Нѣсть столь великаго яга», говоритъ онъ, «которое бѣсновѣріемъ налагается, и нѣтъ такого преступленія, котораго бы не отважились сдѣлать тѣ, которые, не право разумѣя правила вѣры, дестини́мъ усердіемъ подвигаемы, во зло ее будутъ употреблять».

Философы XVIII вѣка придавали религіи значеніе только во имя политическихъ цѣлей. Также и русскіе историки. Болтинъ жалѣетъ объ упадкѣ отеческой вѣры, потому что она уже слишкомъ скоро пала и ничего не осталось въ замѣнъ ей. «Мы старое позабыли, а новаго не переняли, и ставъ непохожими на себя, не сдѣлались тѣмъ, чѣмъ бы желали быть». Щербатовъ цѣнитъ набожность нашихъ предковъ по ея значенію для политическаго могущества Россіи, и нерѣдко приписываетъ побѣды русскихъ воиновъ удвоенному чрезъ законъ мужеству ихъ.

Философы XVIII вѣка жестоко нападали на духовенство, считая его носителемъ обскурантизма, корыстолюбія и обмановъ. Въ томъ же духѣ высказываются и русскіе историки времени Екатерины. Болтинъ нашелъ возможнымъ поставить въ похвалу русскому духовенству только его необразованность. «Лучше, говоритъ онъ, «быть народу суевѣрну при непросвѣщенномъ духовенствѣ, нежели быть рабами просвѣщеннаго. Сборѣе можетъ быть просвѣщенъ народъ, пасомый непросвѣщеннымъ духовенствомъ, нежели сунцій подъ властію просвѣщеннаго; понеже корысть, лобоначіе и гордость заставляютъ его всѣ способы употребить къ недопущенію онаго до просвѣщенія. Богъ насъ сохранилъ отъ просвѣщеннаго духовенства; въ противномъ случаѣ и въ Россіи власть его не меньше была-бъ, какъ и въ областяхъ римскаго исповѣданія». «Вождь слѣпой—продолжаетъ Болтинъ—«есть образъ стариннаго русскаго попа; а вождь зрячій есть образъ католичскаго духовенства. Губя слѣпой народъ, слѣпой вождь по крайней мѣрѣ и самъ гибнетъ въ той же ямѣ; вождь зрячій, толкая слѣпаго въ яму, остается невредимъ». Итакъ старое русское духовенство, на взглядъ Болтина, хорошо только тѣмъ, что составляетъ меньшее изъ двухъ возможныхъ и неизбежныхъ золъ.—Щербатовъ приписываетъ зловередному вліянію духовенства неустойчивость русскихъ предъ татарами. «Духъ неумѣренной набожности», говоритъ онъ, «вселился въ сердце князей російскихъ и, неправо разумѣя должности закона христіанскаго, въ суевѣріе и бѣсновѣріе впали. Монахи же и духовный чинъ сіи мысли паче утверждали, и вкравшись въ мірское управленіе, до тогда видно, что во всякія дѣла епископы мѣшались, можно сказать, твердость и великодушіе отовсюду прогнали, а на мѣсто того духъ монашескій ввели» ¹⁾).

¹⁾ Болѣе подробное изложеніе воззрѣній Щербатова и Болтина можно читать въ статьѣ Зламенскаго *объ историч. трудахъ Щербатова и Болтина*. Труды К. Д. Ак. 1862. № 5.

Отъ учепыхъ переходимъ къ беллтристамъ Елатерининскихъ временъ. И здѣсь мы встрѣчаемъ мелькающія тамъ и самъ модныя идеи, и—къ удивленію своему—у писателей самыхъ благонамѣренныхъ. Державинъ былъ поэтъ очень благонамѣренный, но это не мѣшало ему по временамъ обмолвиться противъ безсмертія души. Очень подозрительно въ этомъ смыслѣ звучать его стихи на смерть кн. Мещерскаго:

Вотъ прахъ его; опъ здѣсь Гдѣ духъ? Овъ тамъ.

Гдѣ тамъ? Не знаемъ,

Мы только плачемъ и рыдаемъ.

Или еще Сей день или завтра умереть,

Перфильевъ, должно намъ колено.

Зачѣмъ же плакать и скорбѣть,

Что мертвый другъ жить не вѣчно?

Жизнь есть небесъ мимолетный даръ,

Устрой ее себя ты покою...

Что это, какъ не стихотворное переложеніе словъ, влагаемыхъ апостоломъ въ уста невѣрующихъ: *да ямы и нѣмъ, утрь бо умремъ?*

Фонъ-Визинъ, въ своей автобіографіи увѣряющій, что его сердце всегда съ благоговѣніемъ почитало Господа, тѣмъ не менѣе увлеченъ былъ духомъ времени къ тому, чтобы написать извѣстное *посланіе къ слугамъ Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ*, въ которомъ видно очень скептическое отношеніе къ вѣрѣ въ промыслъ Божій и въ божественное міроуправленіе. Авторъ разговариваетъ съ слугами своими и спрашиваетъ у нихъ, за чѣмъ созданы свѣтъ.

Скажи, Шумиловъ, мнѣ, за что сей созданъ свѣтъ,

И какъ мнѣ въ ономъ жить, подай ты мнѣ совѣтъ?

Боялся Бога ты, боялся сатаны:

Скажи, прошу тебя, за что мы созданы?

На что сотворена сова, медвѣдь, лягушка?

На что сотворены и Ванька, и Петрушка?

На что ты созданъ самъ, скажи, Шумиловъ, мнѣ?

На то ли, чтобъ свой вѣкъ провелъ ты въ крѣпкомъ снѣ?

О таинство, отъ насъ сокрытое судьбою!
Трясешь, Шумиловъ, ты слдой своей главою.
«Не знаю», говоримъ, «не знаю я того,
Мы созданы на свѣтъ и кѣмъ, и для чего.
Я знаю то, что намъ быть должно вѣкъ слугами,
П вѣкъ работать намъ руками и ногами,
Что должны я смотрѣть за всей злоей казною,
И можемъ только то, что власть твоя со мной.
Я знаю, что я мужъ твоей любовной выпьки,
На что сей созданъ свѣтъ, исполъ спросить у Ваньки».

Авторъ обращается къ другому слугѣ, который высказываетъ совершенно пессимистическій взглядъ на міръ Божій, въ духѣ Жанъ-Жака Руссо.

Чтобы не завести напрасный съ вами споръ,
Тамъ знайте, что весь свѣтъ синтакъ я за издоръ.
Пивошникъ, лошади, карета, хомуты
И все, мнѣ кажется, на свѣтъ суеты.
Здѣсь вижу мотовство, а тамъ я вижу скудость,
Куда ни обернусь, вездѣ я вижу глупость.
Да сверхъ того примѣтилъ я, что свѣтъ
Столь много времени неправдою живетъ
Что вѣтъ уже такихъ нахвостъ на примѣтъ,
Которы бъ истину запомнили на свѣтъ.
Поли стараются обманывать народъ,
Саути дворецкаго, дворецкіе господа,
Другъ друга господа, а златные болре
Перѣдко обмануть ходитъ и государи.
И всякій, чтобъ набить потуже свой карманъ,
За благо разсудилъ припяться за обманъ.
До денетъ лакомы посадкие, дворяне,
Саути, подьячіе, солдаты и крестьяне.
Смирены пастыри душъ нашихъ и сердець
Изволятъ собирать оброкъ съ своихъ овецъ.
Овечки жевяся, плодятся, умирають,
А пастыри при томъ карманы пабшають.
За денги чистилъ процаютъ всякій грѣхъ,
За денги множество въ грѣхъ сдѣлаютъ чистыхъ;
Но если говорить на свѣтъ правду можно,
То мнѣніе я памъ сяду свое не ложно.

За деньги самого Всевышняго Творца
 Готовы обмануть и пастырь, и овца!
 Что дурень здѣшній свѣтъ, то всякій понимаетъ,
 Да для чего онъ есть, того никто не знаетъ.

Вступается въ разговоръ третій слуга, смотрящій на міръ кажется уже чисто съ Волтерской точки зрѣнія.

«Я мысль мою скажу», вѣщаетъ мнѣ Петрушка,
 Весь свѣтъ, мнѣ кажется, ребяческа играшка.
Создатель творцѣ всей, Себѣ на похвалу,
Пустить изволимъ насъ, какъ куколъ по столу.
 Иные рѣзвятся, хохочутъ, скачутъ, пляшутъ,
 Другіе морщатся, грустятъ, тоскуютъ, плачутъ.
 Вотъ какъ вертится свѣтъ; а для чего онъ такъ,
 Не въдаютъ того ни умный, ни дуракъ»¹⁾.

Наконецъ слуги обращаются къ господину съ просьбою сказать, за чѣмъ существуетъ свѣтъ.

«Якъ ты намъ свою въ рѣшеніяхъ удачу,
 Рѣши ты намъ свою премудрую задачу.
 А вы внимайте мой, друзья, отвѣтъ,
 И самъ не знаю я, за чѣмъ сей создаль свѣтъ».

Это остроумное, но легкомысленное стихотвореніе пользовалось въ свое время большимъ вниманіемъ общества. Намъ извѣстны нѣкоторые старожилы, знавшіе наизусть эти стихи, какъ мы знаемъ лучшія басни Крылова.

Благодаря путешествіямъ въ чужіе края, знакомству съ сочиненіями модныхъ философовъ въ оригиналахъ и переводахъ, а также и сообщеніямъ русской литературы, модныя идеи быстро распространились въ русскомъ обществѣ, начиная съ вельможъ и доходя до средняго класса, начиная со столицъ и достигая до провинцій.

Въ мемуарахъ людей Екатерининскаго вѣка и даже нѣсколько позднѣйшаго времени мы находимъ не мало тому свидѣтельствъ. Въ автобіографіи Фомы-Визина, посвященной загла-

¹⁾ Соч. Фомы-Визина. Сиб. 1852. Стр. 723—729.

віе: *чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ, читаемъ слѣдующее:*

«Около 1763 г.,—пишетъ Фонъ-Визинъ,—вступилъ я въ тѣсную дружбу съ однимъ княземъ, молодымъ писателемъ, и вошелъ въ общество, о комъ я донинѣ безъ ужаса вспомнить не могу. Ибо лучшее прпровожденіе времени состояло въ богохуліи и кощунствѣ. Въ первомъ не принималъ я никакого участія и содрогался, слыша ругательство безбожниковъ; а въ кощунствѣ игралъ я и самъ не послѣднюю роль, ибо всего легче шутить надъ святынею и обращать въ смѣхъ то, что должно быть почтено. Въ сіе время сочинилъ я *послание къ Шумилову*, въ коемъ нѣкоторые стихи являютъ тогдашнее мое заблужденіе, такъ что отъ сего сочиненія у многихъ прослылъ я безбожникомъ» ¹⁾).

Далѣе Фонъ-Визинъ рассказываетъ о знакомствѣ своемъ съ однимъ старымъ вольнодумнымъ графомъ. «Сей графъ», пишетъ Фонъ-Визинъ, «былъ человѣкъ знатный по чинамъ, почитаемый умнымъ человѣкомъ, но погрязшій въ сладострастіе. Онъ былъ уже старыхъ лѣтъ и все позволялъ себѣ, потому что ничему не вѣрилъ. Сей старый грѣшникъ отвергалъ даже бытіе Вышняго Существа. Я поѣхалъ къ нему съ княземъ, надѣясь найти въ немъ по крайней мѣрѣ разсуждающаго человѣка, но поведеніе его иное мнѣ показало. Ему вздумалось за обѣдомъ открыть свой образъ мыслей или, лучше сказать, свое безбожіе при молодыхъ людяхъ, за столомъ бывшихъ, и при слугахъ. Разсужденія его были софистическія и безуміе явное, со всѣмъ тѣмъ поколебали душу мою. Послѣ обѣда поѣхалъ я съ княземъ домой.—Что? спросилъ онъ меня, нравится ли тебѣ это общество?—Прошу меня отъ него уволить,—отвѣчалъ я,—ибо не хочу слышать

¹⁾ Соч. Фонъ-Визина—стр. 511—512.

такихъ умствованій, кои не просвѣщаютъ, а помрачаютъ человѣка» ¹⁾.

Изъ разговора Фонъ-Визина съ Г. Н. Тепловымъ ²⁾ мы видимъ, что вольнодумство проникло и въ средній классъ русскаго общества. «Сии людишки», честилъ Тепловъ русскихъ вольнодумцевъ, «не невѣруютъ, а желаютъ, чтобы ихъ считали невѣрующими, ибо вмѣniają себѣ въ стыдъ не быть съ Волтеромъ одного мнѣнія. Я знаю, что Волтеръ развратилъ множество молодыхъ людей въ Европѣ, однако вѣрьте мнѣ, что для развращенія юношества нѣтъ нужды ни въ Волтеровомъ умѣ, ни въ его дарованіяхъ. Графъ, у котораго вы обѣдали, сдѣлалъ въ Россіи не меньше разврата Волтерова, имѣя голову довольно ограниченную. Я знаю, что молодаго слабенькаго человѣка можетъ развратить такой, кто еще ограниченнѣе графа: примѣръ сему я видѣлъ на сихъ дняхъ моими глазами. Случилось мнѣ быть у одного пріятеля, гдѣ видѣлъ я двухъ гвардіи унтеръ-офицеровъ. Они имѣли между собою большое преніе: одинъ утверждалъ, другой отрицалъ бытіе Божіе. Отрицающій кричалъ: *ничего пустяки молоть, а Бога нѣтъ*. Я вступился и спросилъ его: да кто тебѣ сказывалъ, что Бога нѣтъ?—*Петръ Петровичъ вчера на гостинномъ дворѣ*, отвѣчалъ онъ. «Нащелъ и мѣсто» ³⁾, замѣтилъ Фонъ-Визинъ. Изъ дальнѣйшаго хода разговора открывается въ добавокъ, что этотъ Петръ Петровичъ Чеб... былъ оберъ-прокуроромъ св. Синода.

Есть подобныя свидѣтельства и въ *воспоминаніяхъ Ф. Ф. Вигеля*. Въ XVIII в. и даже нѣсколько позже,—по словамъ Вигеля,—«невѣріе почиталось непремѣннымъ условіемъ про-

¹⁾ Соч. Фонъ-Визина—стр. 519—520.

²⁾ Григорій Николасьевичъ Тепловъ, тайный совѣтникъ, сенаторъ и кавалеръ, находившійся у принятія прошеян († 30 марта 1779 г.).

³⁾ Соч. Фонъ-Визина—стр. 523—524.

свѣщенія, и цѣломудріе юности казалось вѣрнымъ признакомъ его слабоумія» ¹⁾. «Въ нечестивой Пензѣ», пишетъ Вигель въ другомъ мѣстѣ «услышала я насмѣшки надъ религіей, хулы на Бога, эниграммы на Богородицу отъ такихъ людей, которые были совершенные неучи; впрочемъ они толковали уже о Непоттѣ, о Фреронѣ и объ аббатѣ Гене (т. е. объ апологетахъ христіанства), и топтали ихъ въ грязь, превознося похвалами *Кандида* и *Бѣлаго быка*» ²⁾.

Вольнодумцы не переводились на Руси даже и въ началѣ XIX столѣтія. Свидѣтельство этого находимъ во *взглядѣ на собственную прошедшую жизнь Исмаилова*, гдѣ между прочимъ читаемъ слѣдующее. «Въ Москвѣ жилъ съ нами чиновникъ, довольно ученый, но молодецъ на всѣ руки. Въ немъ много было добраго, но все чѣмъ-нибудь запачкано и загрязнено. Это былъ Эпикуръ въ дырливой тогѣ Діогена. Остроумный по природѣ, онъ чтилъ Вольтера, Руссо и Макіавелли, умѣлъ спорить о разныхъ предметахъ и всегда становился въ оппозицію съ общимъ мнѣніемъ. Однажды, не смотря ни на кого, онъ доказывалъ: если человѣкъ худъ и не можетъ исправиться, то виновать не онъ, а родители, и доказывалъ, думаю, не столько по увѣренности, сколько въ защиту своего поведенія. Въ другой разъ, въ противность общему приговору, порицалъ поступокъ двухъ сестеръ, молодой вдовы и дѣвцы, которыя, когда вошли въ ихъ домъ французы, не находя гдѣ скрыться и сберегая свою честь, выбѣжали на набережную, обнялись и бросились въ рѣку. Это онъ называлъ самоубійствомъ, говорилъ, что несчастныхъ сестеръ руководилъ стыдъ быть обезчещенными, а не благоразуміе и святость, и что вообще физическая жизнь важнѣе правдивости» ³⁾.

¹⁾ Русск. Вѣстникъ 1861. № 1, стр. 501.

²⁾ Русск. Вѣстникъ 1864. № 3, стр. 201.

³⁾ Взглядъ на себя и на жизнь. Печатькова. Москва. 1860. Стр. 72.

Здѣсь намъ встаетъ опредѣлить характеръ міросозерцанія, распространяемаго на Руси модною философіею XVIII вѣка. Этотъ характеръ очень удачно опредѣляется прозваніемъ *вольтерьянцевъ*, которое носили увлечавшіеся модною философіею. Дѣйствительно, для русскихъ вольнодумцевъ Вольтеръ составлялъ все. Другихъ философовъ мало знали и мало читали.

Что же было за направленіе Вольтера и *вольтерьянцевъ* ¹⁾? Это не былъ атеизмъ. Вольтеръ вопреки обще-распространенному мнѣнію не былъ безбожникомъ. Онъ, по его выраженію, гнушался атеизмомъ, который можно считать только развратомъ разума, и въ своихъ сочиненіяхъ приводилъ всѣ возможные доказательства бытія Божія. Противъ атеистовъ по мнѣнію Вольтера достаточно сказать: *Vous existez, donc il y a un Dieu*. «Я существую (такъ развиваетъ Вольтеръ это доказательство см. *Traite de Metaphysique Oeuvres de Voltaire* русск. изд. т. 32, р. 21), слѣдовательно есть вообще бытіе. Нѣчто можетъ существовать или само собой, или получаетъ свое бытіе отъ чего-либо другаго. Если оно существуетъ само-собою, то оно необходимо и какъ необходимое оно было всегда. Это есть Богъ. Но если нѣчто имѣетъ свое бытіе отъ чего-либо другаго, а это другое отъ третьяго, то тѣмъ, отъ чего имѣетъ свое бытіе послѣднее, необходимо долженъ быть Богъ; потому что безъ этого предложенія мы имѣли бы винтъ безъ конца, т. е. нелѣпность. Такимъ образомъ мы должны признать, что есть существо, которое необходимо существуетъ отъ вѣчности само-собою и, какъ таковое, есть начало всѣхъ вещей». Вольтеръ пользуется и телеологическимъ доказательствомъ бытія Божія. Опровергая Голубаха, Вольтеръ говоритъ (т. 66, стр. 532), что также точно смѣшно отъ

¹⁾ О Вольтерѣ и его поборникахъ можно читать на русск. языкѣ въ философскомъ лексиконѣ Гоголянаго, въ исторіи XVIII в. Шюссера и въ исторіи литературы XVIII в. Гегелера.

устройства міра не заключать о мудромъ основателѣ его, какъ было бы безстыдно, говоря о часахъ, отрицать существованіе часовщика». Но всего болѣе Вольтеръ признаетъ необходимымъ бытіе Божіе съ нравственной точки зрѣнія. «Настоящая главная причина», говоритъ Вольтеръ, «почему вѣра въ Бога необходима, заключается не въ метафизическихъ основаніяхъ, но въ томъ уваженіи, что для общаго блага необходимо Богъ вознаграждающій и наказующій. Безъ такого Бога мы оставались бы въ бѣдствіяхъ безъ надежды, въ порокахъ безъ угрызеній совѣсти. Кто признаетъ, что вѣра въ Бога удерживаетъ хотя нѣсколькихъ людей отъ преступленія, тотъ признаетъ, что эта вѣра должна быть принята всѣмъ человѣчествомъ. Если мысль о Богѣ произвела Титовъ, Трапезовъ, Антониновъ, Марковъ Авреліевъ, то этихъ примѣровъ достаточно для защиты моего дѣла, а мое дѣло есть дѣло всего человѣчества» (См. въ филос. словарѣ ст. Dieu, т. 39, стр. 317). На знаменитый вопросъ Бэйля, можетъ ли существовать государство атеистовъ, Вольтеръ насмѣшливо говорить (т. 38, стр. 104, 116; т. 32, стр. 437), что если бы Бэйлю пришлось управлять только пятью или шестьюстами поселенцевъ, онъ непременно началъ бы проповѣдывать ученіе о воздающемъ Богѣ. Сущность деистическихъ воззрѣній Вольтера выражается въ слѣдующемъ знаменитомъ изреченіи: *Si Dieu n' existait pas, il faudroit l' inventer; mais toute la nature nous crie, qu' il existe* (т. 54, стр. 418).

Вольтеріанство не было и чистыхъ матеріализмомъ. Вольтеръ не былъ матеріалистомъ. Скорѣе онъ былъ скептикъ во всѣхъ вопросахъ относительно духа и матеріи и въ частности относительно души человѣческой. Въ философскомъ словарѣ подъ словомъ Ame (т. 37, стр. 183) Вольтеръ говоритъ: «мы совершенно не знаемъ ни того, что заставляетъ насъ жить, ни того, что заставляетъ насъ думать. Есть ли душа духъ

или матерія, происходитъ ли она изъ ничего при нашемъ рожденіи, живетъ ли она въ вѣчности послѣ насъ,—что такое эти вопросы, которые кажутся такъ возвышенны? Не что иное, какъ вопросы слѣща къ другому слѣщцу о томъ, что такое свѣтъ». Глубокій скептицизмъ не мѣшать, а скорѣе содѣйствовалъ Вольтеру—съ обыкновенною ему безпощадною ироніею относиться къ философамъ, старавшимся опредѣлить сущность души. Всего остроумнѣе высказывается Вольтеръ въ этомъ смыслѣ въ маленькомъ сатирическомъ романѣ *Микромегасъ* (т. 32). Микромегасъ, обитатель Сириуса, и потому великанъ совершенно баснословной величины, вмѣстѣ съ однимъ обитателемъ Сатурна, также громаднымъ великаномъ, но сравнительно меньшимъ, предпринимаю вмѣстѣ путешествіе на другія небесныя тѣла. При своей огромной величинѣ они удобно перепрыгиваютъ съ звѣзды на звѣзду и наконецъ достигаютъ земли. Нигдѣ они не замѣчаютъ живаго существа: крошечныя земныя творенія и земныя жилища слишкомъ малы для ихъ глаза. Но потомъ посредствомъ микроскопа они открываютъ въ сѣверномъ морѣ Кита и вскорѣ за тѣмъ корабль съ учеными, которые возвращались изъ полярнаго путешествія. Микромегасъ беретъ корабль на руку, крайне забавляясь пестрой толпою маленькихъ твореній. Онъ ясно замѣтилъ, что люди говорили между собою. Любопытство усилило его остроуміе. Онъ съ большимъ искусствомъ сумѣлъ устроить орудіе, которое дѣлало понятнымъ тихій людской голосъ уху обоихъ путешественниковъ, и наоборотъ громовой голосъ путешественниковъ уху людей. Началась въ высшей степени поучительная бесѣда. Какъ дивились обитатели звѣздъ, когда услышали о кровавыхъ войнахъ между царемъ и султаномъ изъ-за маленькаго клочка земли, котораго не видать ни однимъ изъ нихъ. Микромегасъ и его спутникъ сумѣли дать имъ совершенно точныя свѣдѣнія о небѣ, о

величій и теченіи звѣздъ Микромегасъ сказалъ имъ: «такъ какъ вы въ точности знаете, что имѣ васъ самихъ, то скажите мнѣ, что вы знаете о себѣ самихъ и какъ образуете вы идеи?» Человѣческіе философы опять заговорили всѣ вдругъ; но теперь всѣ были различнаго мнѣнія. Старѣйшій ссыался на Аристотеля, другой называлъ имя Декарта, этотъ Мальбранша, тотъ Лейбница, иной Локка. Перипатетикъ громко и съ гордою увѣренностію говорилъ: *душа есть интеллектъ*.— «Я не понимаю по гречески»,—сказалъ великанъ.— «И также, отвѣчалъ философъ,—но чего не понимаешь, всегда надо называть на томъ языкѣ, который люди понимаютъ всего меньше». Тогда началъ говорить картезіанецъ: *душа есть чистый духъ, который получилъ всѣ метафизическія идеи въ материнской утробѣ, а потомъ, вышедши на Божій свѣтъ, принужденъ идти въ школу и учить сначала все, что онъ уже прежде такъ превосходно зналъ и что онъ такимъ образомъ никогда не будетъ знать. Да вѣдь это лишній трудъ*,—отвѣчалъ великанъ,—если твоя душа владѣетъ такой мудростію въ утробѣ матери и дѣлается невѣжественной, отростивъ бороду». Затѣмъ Микромегасъ обратился къ третьему и спросилъ его, что такое его душа, и что она дѣлаетъ. *Ничего*, отвѣчалъ приверженецъ Мальбранша: *Богъ составляетъ для меня все; я вижу все въ немъ; я дѣлаю все чрезъ него; онъ дѣлаетъ все, такъ что я нисколько въ этомъ не участвую*. «Въ такомъ случаѣ все равно и вовсе не быть», сказалъ великанъ. «А ты мой другъ», сказалъ Микромегасъ послѣдователю Лейбница, «ты что скажешь о своей душѣ?» *Моя душа, отвѣчалъ тотъ, есть стрѣлка, показывающая часы, а мое тѣло бьетъ часы; или лучше сказать, если хотите, она бьетъ часы, а мое тѣло показываетъ ихъ; душа моя есть зеркало вселенной, а мое тѣло рамка этого зеркала; это ясно*. Рядомъ съ нимъ стоялъ приверженецъ Локка. Когда

обратились къ нему, онъ сказалъ: я не знаю, какимъ образомъ я думаю, но я знаю, что я всегда думалъ только посредствомъ моихъ чувствъ; я не сомняюсь, что есть чисто духовныя существа, но я сильно сомняюсь, чтобы Богъ невозможно было одѣлать матерію мыслящую. Волканъ усмѣхнулся. Онъ нашелъ, что это былъ не всего менѣе мудрый; онъ обнялъ бы его, если бы это при неравенствѣ ихъ тѣлъ не было просто нелепо.

Тотъ же абсолютный скептицизмъ находимъ у Вольтера въ вопросѣ о безсмертіи души и о загробной жизни, и ту же безпощадную пропію надъ людьми, пытавшимися опредѣленно рѣшить эти вопросы. «Если я дѣйствительно долженъ быть безсмертенъ», говоритъ Вольтеръ въ письмахъ Мессіа (т. 32, стр. 283), «то я долженъ сохранить свои чувства, память, всѣ свои способности; откройте могилы, соберите кости, и вы не найдете ничего, что могло бы дать вамъ какой-нибудь призракъ этой надежды». Въ другомъ мѣстѣ (*Traité de Métaphysique* т. 32, стр. 51) Вольтеръ говоритъ, что также смѣло можно сказать, что человѣкъ по смерти бѣтъ и пьетъ, какъ то, что онъ по смерти мыслить и воспоминаетъ. Тѣмъ не менѣе Вольтеръ далекъ отъ того, чтобы окончательно отрицать загробное существованіе души. Въ философскомъ словарѣ (т. 39, стр. 319 Dieu) онъ утѣшающимъ образомъ восклицаетъ, что хотя нѣтъ въ пользу безсмертія никакихъ неотразимыхъ доказательствъ, но нѣтъ также неотразимыхъ основанийъ отрицать его возможность. «Въ этомъ вопросѣ,—прибавляетъ Вольтеръ,—мы находимся въ томъ же положеніи, какъ и во всѣхъ метафизическихъ вопросахъ; мы движемся только въ царствѣ неопредѣленныхъ вѣроятностей, мы плаваемъ въ морѣ, берега котораго убѣгають отъ глазъ. Горе тѣмъ, которые плывя борются другъ съ другомъ; приставай, кто можетъ; но кто говорить: вы плывете напрасно, твердой

земли ильнѣ, тотъ приводитъ меня въ уныніе и отнимаетъ у меня всѣ мои силы». Тѣмъ съ большою пропією относится Волтеръ ко всякимъ опредѣлительнымъ сужденіямъ о загробной жпзни. Въ сатирической повѣсти *человѣкъ въ сорокъ талеровъ* на стр. 114—116 русск. перевода читаемъ слѣдующее: «былъ въ Парижѣ превеликій споръ, состоящій въ томъ, должно ли почитать Марка Антонина честнымъ человѣкомъ и гдѣ онъ до воскресенія пребываетъ, во адѣ ли, въ чистилищѣ, или въ предверіи онаго. Всѣ честные люди держали сторону Марка Антонина, представляя, что онъ былъ государь всегда правосудный, милостивый, справедливый и воздержный. Правда онъ не столь хорошій въ раю занимаетъ мѣста, какъ св. Антоній, ибо надобно соблюдать пропорцію, однако безъ сомнѣнія душа импер. Антонина находится не въ адѣ. Если же она въ чистилищѣ, то надобно ее оттуда избавить, и остается только отгнѣть нѣсколько панихидъ, что свзуты, въ праздности живущіе, учинить могутъ; итакъ пускай они отпокутъ оныхъ 3000 за упокой души сего государя; за каждую получаютъ они по 15 копѣекъ, что составитъ 2250 ливровъ. Впрочемъ къ помазаннику нужно имѣть почтеніе и не такъ судить о немъ легкомысленно».—Но противники сихъ честныхъ людей утверждали совсѣмъ иное, говоря, что надъ нимъ никакого сожалѣнія имѣть не должно, что онъ былъ еретикъ гораздо беззаконнѣе, нежели послѣдователи Карпократа и Алога, что умеръ безъ исповѣди, и что для того служить наилучшимъ примѣромъ быть осужденнымъ, дабы императоры китайскіе, японскіе, персидскіе, турецкіе и мароккскіе, также и короли англійскіе, шведскіе, датскіе и прусскіе, штатгалтеры голландскіе и авоіери бернскіе, которые все не чаще на исповѣдь ходятъ, какъ и импер. Маркъ Антонинъ, изъ того жить научились; и наконецъ для того, что судить мертвыхъ государей есть неизмѣримое наслажденіе,

потому что при жизни ихъ никто на сіе отважиться не можетъ, опасаясь, чтобы не потерять своихъ ушей.—Столь великой споръ угрожалъ расколомъ. Расколъ есть дѣло весьма опасное, ибо оной значить несогласіе во мнѣніяхъ, а до сего пагубнаго времени всѣ люди были одинаковаго мнѣнія. Господинъ Андре, будучи человѣкъ честный, просилъ заводчиковъ спора съ обѣихъ сторонъ къ себѣ на ужинъ. Тутъ онъ, заведши постороннюю рѣчь и рассказывая какъ проклинаящимъ, такъ и проклятымъ пріятную повѣсть, весьма искусно отвратилъ первые удары, происходящіе отъ споровъ. А потомъ, когда они уже нѣсколько подгуляли, принудилъ ихъ подписаться, что душа Марка Антонина останется *in statu quo*, т. е. не знаю гдѣ, ожидал опредѣленнаго суда».

Волтерьянство не было и политическимъ радикализмомъ. Волтеръ не былъ политическимъ радикаломъ въ родѣ французскихъ революціонеровъ конца прошлаго столѣтія или современныхъ социалистовъ. Волтеръ видитъ свои идеалы въ древнихъ республикахъ Греціи и Рима и плѣняется свободными учрежденіями Англіи; онъ постоянно говоритъ о свободѣ совѣсти, свободѣ печати, смягченіи уголовныхъ наказаній, равномерномъ распредѣленіи налоговъ, безусловномъ подчиненіи церкви государству и пр. «Во всѣхъ дѣлахъ, ознаменовавшихъ ваше царствованіе», писалъ Волтеръ къ Екатеринѣ, «я видѣлъ довольно близкое сходство съ тѣмъ, что самъ дѣлалъ: ибо поощренія всякаго художества, хорошіе законы и терпимость всѣхъ вѣръ суть мои страсти» (Переп. I, 50). Но онъ былъ далекъ отъ идеи абсолютнаго равенства всѣхъ людей, на основаніи которой французскіе революціонеры и новѣйшіе социалисты хотѣли перестроить все человеческое общество. Въ душѣ Волтеръ злобится на различіе сословій, и ни люди какими условіями не хотятъ допустить привилегіи по одному рожденію. Въ письмахъ къ Фридриху

Великому и въ 1-й пѣсни *Discours sur l'homme* Вольтеръ положительно утверждаетъ, что «всѣ люди равны по рожденію, что онъ тогда только повѣритъ въ божественное право рыцарей, когда увидитъ, что крестьяне являются въ свѣтъ съ сѣдлами на спинахъ, а рыцари со шпорами на пяткахъ». Но эта злоба, постоянно питаемая и постоянно высказываемая Вольтеромъ, уступить, хотя и противъ воли, сознанию неодолимыхъ препятствій. Статья *Egalité* въ философскомъ словарѣ (т. 39, стр. 465) называетъ равенство мечтой прекрасной, но несбыточной, неравенство—зломъ прискорбнымъ, но необходимымъ. Вольтеръ былъ слишкомъ близокъ къ суровой почвѣ дѣйствительности, чтобы предаваться сентиментальнымъ мечтамъ о всеобщемъ равенствѣ, слишкомъ хорошо зналъ положеніе народной массы, чтобы вѣрить въ возможность всеобщаго просвѣщенія и самоуправленія. «Подъ народомъ», писалъ Вольтеръ въ одномъ частномъ письмѣ, «я понимаю *populace*, чернь, у которой есть только руки, чтобы жить. Я опасаясь, что этотъ народъ никогда не будетъ имѣть времени и способности научиться; мнѣ кажется даже необходимымъ, чтобы существовали невѣды. Если бы вамъ пришлось воздѣлывать землю, какъ имъ, вы конечно согласились бы со мною. Когда чернь примется мудрить, все потеряно» (т. 66, стр. 333). Въ другомъ письмѣ (*Lettres inédites* гес. раг. Sayrol, Paris 1856, 2, 563) Вольтеръ выражается еще рѣзче: «народъ всегда безвкусенъ и грубъ; это были, которымъ нужно ярмо, погонщикъ и кормъ». Поэтому всю надежду улучшенія быта народовъ Вольтеръ возлагалъ на благосклонныя правительственныя мѣры, которыя мѣтко названы *просвѣщеннымъ деспотизмомъ*. Отсюда, независимо отъ личнаго тщеславія, объясняются дружескія сношенія Волтера съ вѣнчанными философами—съ Екатериной Великой, съ Фридрихомъ Великимъ, съ Густавомъ III и Христианомъ VII.

Итакъ что же такое было это зловредное *вольтерьянство*, если оно не было ни атеизмомъ, ни матеріализмомъ, ни политическимъ радикализмомъ? Это было легкое, насмѣшливое, фривольное, болтушественное и скептическое отношеніе къ религіи, церкви и христіанству, къ важнѣйшимъ вопросамъ человѣческаго бытія, и особенно къ тому способу ихъ рѣшенія, который предлагался положительною религіею,—при отсутствіи собственныхъ положительныхъ идеаловъ.

Опасна и зловредна была не столько широта Волтеровскаго отрицанія (мы видѣли уже, что оно было вовсе не всеобъемлюще), сколько его фривольной и насмѣшливый тонъ, благодаря которому оно становилось достояніемъ умовъ даже самыхъ посредственныхъ и ограниченныхъ и увлекало ихъ къ подражанію. По нашему мнѣнію, отрицаніе Волтера шло не дальше Кантова критицизма; но въ то время, какъ глубокомысленныя и въ высшей степени отвлеченныя творенія кенигсбергскаго мыслителя мало кѣмъ читались и еще менѣйшимъ числомъ людей понимались, легкомысленное міросозерцаніе Волтера, изложенное во всевозможныхъ общедоступныхъ формахъ словесныхъ произведеній, жадно усвавалось всею массою читающаго европейскаго міра. Нѣтъ ничего легче, какъ смѣяться надъ святынею и для остраго слова не щадить и Творца; это доступно для головъ самыхъ тупыхъ, поэтому Волтеръ находилъ множество приверженцевъ во всей Европѣ и между русскими, умъ которыхъ по природѣ склоненъ къ насмѣшливости.

Мы уже имѣли случай изъ вышеприведенныхъ выдержекъ познакомиться отчасти съ сатирическою стороною Волтерова таланта. Продолжимъ еще нѣсколько это знакомство. Ужасное землетрясеніе, разрушившее Лиссабонъ въ 1755 г., сильно вооружило Волтера противъ оптимистовъ, утверждавшихъ, что все въ мірѣ устроено наилучшимъ образомъ. Съ тѣхъ поръ

указаніе въ мірѣ зла, слабостей и несовершенствъ сдѣлалось для Волтера *idea fixa*. «Болитгброкъ, Шафтсбери и Поппъ, говоритъ Волтеръ (т. 38, стр. 281) защищаютъ взглядъ, что все устроено наилучшимъ образомъ. Если это значить, что все происходитъ изъ вѣчнаго неизмѣннаго закона,—кто этого не знаетъ? Порядокъ есть конечно вездѣ. Если въ моемъ мочевомъ пузырьѣ образуется камень, то это образованіе происходитъ совершенно согласно съ природой, и также согласно съ природою и искусствомъ дѣйствуетъ врачъ при своемъ леченіи; но если я умираю подъ этимъ болѣзненнымъ леченіемъ, какая мнѣ польза изъ сознанія, что я подчиняюсь неизмѣннымъ естественнымъ законамъ? *«Зла никакого нѣтъ»*, говоритъ Поппъ, *все частные роды зла составляютъ только общее благо*. Славное общее благо, составленное изъ каменной болѣзни, ревматизмовъ, преступленій и страданій всякаго рода, изъ смерти и осужденія; и мнѣ кажется плохимъ утѣшеніемъ, когда Поппъ говорить, что Богъ одинаково смотритъ на гибель героя и поробья, тысячи планетъ или атома, или когда Шафтсбери спрашиваетъ, почему бы долженъ былъ Богъ мѣнять свои законы въ пользу такого жалкаго творенія, какъ человѣкъ. Надобно по крайней мѣрѣ согласиться, что человѣкъ имѣетъ право жаловаться, что частное благосостояніе не примиряется съ вѣчными законами. Это ученіе представляетъ божество могущественнымъ, но насильственнымъ властителемъ, которому нѣтъ дѣла до тысячъ человѣческихъ жизней, когда ихъ требуютъ его произвольныя дѣла. Это ученіе не утѣшительно: оно тягостно». Въ томъ же духѣ написанъ *Кандидъ*, знаменитая сатира противъ оптимизма,—исторія того брѣзкаго и благонаправнаго юноши, котораго безъ мѣры мучить, угнетаетъ и доводитъ до ужасныхъ преступленій судьба, и который такъ увѣренъ въ ученіи о лучшемъ изъ міровъ, что при вся-

комъ новомъ ударѣ судьбы восклицаетъ съ самымъ забавнымъ умиленіемъ: *все къ лучшему въ лучшемъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ!*

Другая idea fixe Волтера была его, можно сказать, безчестная вражда противъ христіанства. Въ своихъ *аксіомахъ* Волтеръ говоритъ: неразумно вѣрить въ Бога, Который странствуетъ, говоритъ, дѣлается человѣкомъ, какъ человѣкъ умираетъ на крестѣ (— t. 33, p. 344). *Esgasez l'infame*, твердилъ постоянно Волтеръ, считая это изреченіе своимъ девизомъ и разумѣя подъ послѣднимъ терминомъ христіанство. Справедливость требуетъ замѣтить впрочемъ, что Волтеръ возставалъ не столько противъ христіанства самаго въ себѣ, сколько противъ тѣхъ злоупотребленій, которымъ подвергалось христіанство вслѣдствіе корыстолюбія и суевѣрія католическаго духовенства. «Признаюсь, всемогущественная государыня,—писалъ онъ къ Екатеринѣ,—что я ненавижу папское правленіе. Оно для меня и смѣшно и гнусно: ибо въ продолженіе многихъ вѣкомъ папало половину Европы кровопролитіемъ и тишилось жителей ся сдѣлать скотами» (Переп. I, 172). Въ повѣсти *Гуронъ или протосердечный* (L'Ingenu) Волтеръ остроумно выставляетъ на видъ противорѣчія между преданіями религіи и внушеніями непосредственнаго здраваго смысла L'Ingenu занесенный въ Европу Гуронъ. Здѣсь хотятъ его крестить. Гуронъ читаетъ библію и непремѣнно хочетъ быть обрѣзаннымъ, потому что въ библіи нѣтъ ни одного необрѣзаннаго человѣка. Пріоръ только съ трудомъ успѣваетъ убѣдить его, что эта церемонія теперь вышла изъ употребленія. Наконецъ Гуронъ обѣщается креститься; но сначала онъ долженъ исповѣдаться и дѣлаетъ это. Но затѣмъ онъ требуетъ, чтобы и его духовный отецъ исповѣдался предъ нимъ; потому что въ посланіи Іакова написано, что люди должны исповѣдаться другъ предъ другомъ. Въ день крещенія онъ исчезаетъ;

послѣ долгихъ поисковъ нашли его въ рѣкѣ со сложенными на груди руками. Его стараются убѣдить, что обычаи уже перемѣнились, но онъ упрямо стоитъ на своемъ, потому что въ библии всѣ крестятся въ рѣкѣ. Только m-lle Сентъ-Ивъ, къ которой онъ питаетъ тайную склошность, можетъ убѣдить его принять крещеніе по употребительному теперь способу. Какой-то дядя дѣлаетъ ему предложеніе вступить въ духовное званіе; онъ навѣрное получитъ пріоратъ. Гуронъ горячо благодаритъ дядю за это предложеніе: но говоритъ, что можетъ рѣшиться на это только въ томъ случаѣ, если это не помѣшаетъ ему жениться на любимой дѣвушкѣ (m-lle Сентъ-Ивъ). Дядя объясняетъ ему, что его любовь противна законамъ божескимъ и человѣческимъ, потому что дѣвушка была его крестной матерью. Гуронъ опять приводитъ простой фактъ, что библия вовсе не представляетъ такого запрещенія. Тетна придумываетъ выходъ изъ этого положенія—просить о разрѣшеніи папу. Гуронъ обнимаетъ тетку. «Кто же этотъ отличный человѣкъ, который съ такою добротою покровительствуетъ любви молодыхъ людей? Я хочу сейчасъ же говорить съ нимъ». Ему объясняютъ, кто папа, и Гуронъ удивляется еще больше, чѣмъ прежде. «Объ этомъ опять нѣтъ ни слова въ вашей книгѣ, любезный дядя, я нахожусь теперь въ Бретани и долженъ идти къ человѣку, который живетъ на Средиземномъ морѣ и не понимаетъ даже моего языка, и я долженъ просить этого человѣка позволить мнѣ любить m-lle Сентъ-Ивъ» и такъ далѣе, и такъ далѣе. Волтеръ такъ привыкъ шутить надъ предметами религіи и кощунственно относиться къ нимъ, что безъ этого не обходилось у него ни одно мелкое сочиненіе, ни одно почти частное письмо. Беремъ переписку его съ импер. Екатериною, гдѣ казалось бы вовсе не мѣсто подобному кощунству, но и тутъ оно встрѣчается чуть не въ каждомъ письмѣ. «Я не пророкъ, пишетъ Волтеръ, отъ чего

и сохрани меня Боже». «Я такой пророкъ,—говорит онъ въ другомъ мѣстѣ,—что смѣло предсказываю вашему величеству величайшую славу. Сіе пророчество даже нѣсколько похоже на прочія; ибо оно послѣ событія сказуется» (Переп. I, 14). Предлагая императрицѣ составить союзъ христіанскихъ государствъ противъ Турціи, Волтеръ говоритъ: «Петръ пустынникъ былъ по крайней мѣрѣ столько же, сколько и я, сумазброденъ; однако успѣлъ въ своихъ предпріятіяхъ; но надобно принять въ разсужденіе, что онъ былъ монахъ; ему благодать Божія содѣйствовала, а мнѣ совершенно нисколько; но ежели я лишень благодати, то на моей сторонѣ разсудокъ» (Ibid. II, 172). Обнаруживая безъ всякой нужды неуваженіе ко святымъ мѣстамъ, дорогимъ для всякаго христіанина, Волтеръ выражается такъ: «славнѣе взять Константинополь, нежели дрянной городишко Іерусалимъ и Босфоръ предпочтительнѣе потока кедронскаго (Ibid. II, 137). Охотно оставляю я Іерусалимъ магометанамъ: сіи варвары сотворены для страны Іезекіилевоу, Іліиной и Каіафовоу» (Ibid. II, 25). Обнаруживая неуваженіе къ библіи, Волтеръ говоритъ: «легко стать ся можетъ, что еврейскій Адамъ былъ очень новый Адамъ, 6000 лѣтъ дѣйствительно можно почесть за бездѣлицу». И еще: «ежедневно выпускаемыя касательно вашей имперіи напечатанныя лжи ясно даютъ усматривать, съ какою точностію исторія прежнихъ временъ писана. Если у царя египетскаго умирало десятковъ лошадей, то говорили, что ангель истребитель избилъ всѣхъ той страны четвероногихъ» (Ibid. II, 68. 69). Обнаруживая безъ всякой нужды неуваженіе къ церковнымъ догматамъ, Волтеръ въ одномъ мѣстѣ выражается такъ: «Радуюсь, что диссиденты польскіе выиграли наконецъ свою тяжбу. Я надѣюсь, что соціпіане будутъ въ скоромъ времени имѣть въ Литвѣ нѣкоторые нарядныя соборы, въ коихъ Богъ Отецъ не будетъ принужденъ ни съ

тѣмъ раздѣлять своего престола, которымъ онъ до никейскаго собора одинъ обладалъ» (Ibid. II, 146). Довольно и этихъ выдержекъ.

Таковъ былъ Волтеръ, легкомысленный и кощунственный скептикъ по отношенію къ религіи, хотя и далеко не совершенный нигилистъ, выражаясь современнымъ терминомъ. Таковы же были и русскіе послѣдователи Волтера, подражавшіе ему тѣмъ охотиѣ, что насмѣшливость вообще сродна русскому уму. Русскіе вольнодумцы въ своемъ отрицаніи заходили еще далѣе Волтера, потому что, будучи еще легкомысленнѣе его, не могли установить точныхъ границъ своему отрицанію.

Мы не оправдываемъ этого направленія. Мы не хотимъ сказать даже, чтобы оно было много лучше открытаго матеріализма и атеизма. Тамъ по крайней мѣрѣ есть серьезное, хотя и превратное отношеніе къ дѣлу; здѣсь легкомысленная безпечность, не мѣшающая людямъ гибнуть и душою и тѣломъ. Какъ разрушительно могло быть подобное направленіе, видимъ изъ того, что нашъ знаменитый Сперанскій, въ дупѣ котораго, какъ показала послѣдующая его жизнь, весьма живучи были религіозныя струны, и который при серьезномъ мышленіи никогда не могъ бы додуматься до атеизма и матеріализма, тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ модной философіи, въ минуту жизни трудную, потерявъ любимую жену, не находилъ себѣ другаго исхода, кромѣ самоубійства. Только забота о малюткѣ—дочери удержала его отъ этого. «Жестокое дитя!... Немилосердые друзья!...» писалъ онъ, «еще одно мгновеніе...—и я бы разложился!»

Вредное нравственное вліяніе *волтерьянства* сказалось всего болѣе въ молодомъ поколѣніи Екатерининскихъ временъ, живое изображеніе котораго представляетъ намъ тогдашняя обличительная литература. Воспитанное гувернерами-францу-

замы, поступавшими на свою профессию по большей части прямо изъ кучеровъ и сапожниковъ, проѣхавшееся за границею преимущественно для обозрѣнія трактировъ, игорныхъ домовъ и тому подобныхъ увеселительныхъ заведеній, молодое поколѣніе временъ Екатерины, въ художихъ своихъ представителяхъ, отличалось замѣчательною пустотою и безсодержательностію. Оторвавшись отъ родной почвы, оно не приурочивалось ни къ какой другой, а заражалось только французскимъ легкомысліемъ, кощунствомъ и наглою, хвастливою самоувѣренностію. Такъ создался весьма извѣстный типъ *петиметра* и *щеголихи*. Мотовство, модничанье, волокитево, страсть къ азартнымъ играмъ и въ основѣ всего пустѣйшая пустота въ рѣчахъ и поступкахъ—вотъ отличительныя черты этого типа. Очевидно, что для современной сатиры это былъ весьма благодарный типъ, и она не преминула имъ воспользоваться.

Типъ петиметра является у имп. Екатерины въ комедіи *имянины госпожи Ворчалкиной* въ лицѣ Фирлюфюшкова. Вотъ какъ объясняется этотъ герой: «вчера послѣ ужина, я всю ночь проигралъ въ карты. Легъ me coucher въ шестомъ часу après minuit. Всталъ сегодня въ часъ, и теперь такая митрена и въ носу такъ грустно, что сказать не можно... (Соч. И. Екат. II, 176). Ты думаешь, что я плачу, забирая въ долгъ у купцовъ. Никогда, mon cousin, никогда. Я не плачивалъ, не плачу и никогда платить не намѣренъ. Былъ бы я, голубушка, одѣтъ, былъ бы я веселъ; а до тѣхъ дураковъ мнѣ нужды нѣтъ, которые по глупости своей мнѣ вѣрятъ. Они могутъ и тѣмъ быть довольны, что въ три-дорога въ счетъ пишутъ.» (Ibid. 178).

Гораздо глубже и съ большимъ талантомъ раскрывается этотъ типъ въ комедіи Фонъ-Визина: *Бригадиръ*, въ лицѣ бригадирова сына Ивана. Въ его разговорахъ съ отцемъ

рисуются старое и новое поколѣніе, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

«Тѣло мое родилось въ Россіи, разсуждаетъ сынъ, по духъ мой принадлежалъ коронѣ французской.

Бригадиръ. Однако ты, все-таки, Россіи болѣе обязанъ, нежели Франціи. Вѣдь въ тѣлѣ твоємъ гораздо больше связи, нежели въ умѣ.

Сынъ. Вотъ, батюшка, теперь вы уже и льстите мнѣ начинаете, когда увидали, что строгость не удалась.

Бригадиръ. Ну, не прямой ли ты болванъ? И тебя называлъ дуракомъ, а ты думаешь, что я льщу тебѣ: этакой осель!

Сынъ. Этакой осель! (въ сторону) il ne me flatte pas.. Я вамъ сказываю, батюшка, je vous le répète, что мои уши къ такимъ терминамъ не привыкли. Я васъ прошу, je vous en prie, не обходиться со мною такъ, какъ вы съ вашими ефрейторомъ обходились. Я такой же дворянинъ, какъ и вы, Monsieur.

Бригадиръ. Дурачина! дурачина! Что ты ни скажешь, то все врешь, какъ лошадь. Ну встати ли отцу съ сыномъ считаться въ дворянствѣ...

Сынъ. Да какое право имѣете вы надо мною властвовать?

Бригадиръ. Дуралей! я твой отецъ.

Сынъ. Скажите мнѣ, батюшка, не всѣ ли животныя, les animaux, одинаковы?

Бригадиръ. Это къ чему? Конечно всѣ отъ человѣка до скота. Да что за вздоръ ты мнѣ молоть хочешь?

Сынъ. Послушайте; ежели всѣ животныя одинаковы, то вѣдь и я могу тутъ же включить себя?

Бригадиръ. Для чего нѣтъ? Я сказалъ тебѣ: отъ человѣка до скота; такъ для чего тебѣ не помѣститъ себя тутъ же?

Сынъ. Очень хорошо; а когда щенокъ не обязанъ респектовать того пса, кто былъ его отецъ; то долженъ ли я вамъ хотя малѣйшимъ респектомъ?» (Соч. Фонъ-Визина 38—40).

При чтении этого разговора, намъ невольно припоминаются *отцы и дщери* Тургенева. Видимъ различіе эпохъ, но замѣчаемъ и много общаго во взаимномъ отношеніи и характерѣ обоихъ поколѣній.

Не только чувство почтенія къ старшимъ, но и долгъ супружеской вѣрности былъ сильно поколебленъ на Руси модною философіею. Супружеская вѣрность считалась признакомъ дурнаго тона; напротивъ того торжество моды было, если мужъ и жена жили на двѣ разныя половины, и имѣли особый кругъ знакомства, если жена была окружена роемъ обожателей, а мужъ содержалъ свою метрессу (Русскіе сатирич. журналы. Аванасьева, стр. 213). «Мужъ мой влюбленъ въ меня до безумія, разсуждаетъ щеголиха Екатерининскихъ временъ, а къ тому же и ревнивъ. Фу! какъ это не ловко; мужъ растрепанъ отъ жены; это, радость, гадко!... Сказать ли чѣмъ я отвязываюсь отъ этого несноснаго человѣка? Одними обмороками. Какъ привяжется онъ ко мнѣ съ своими декларасіонами и клятвами, то я сперва говорю ему: *отцѣпись!* но онъ никакъ не отстаетъ: послѣ того резонирую, что стыдно и глупо быть мужу влюблену въ свою жену; но онъ никакъ не вѣритъ,—и такъ остается мнѣ одно средство—взять обморокъ» (Ibid. 206). Или вотъ какъ разсуждаютъ о вѣрныхъ супругахъ петиметръ и щеголиха Екатерининскихъ временъ на своемъ ломаномъ модномъ нарѣчій: «ха, ха, ха! Ахъ, монжеръ, ты уморилъ меня! Онъ живетъ три года съ женою и по сю пору ее любить! Перестань, мужчина; это никакъ не можетъ быть, три года имѣть въ головѣ свой вздоръ!.. съ чужою женою и помахаться не смѣетъ, еще и за грѣхъ ставить! Прекрасно! Перестань шутить! По чести у меня отъ этого сдѣлается тѣснота въ головѣ. Ахъ, какъ это славно! Они до смерти другъ друга залюбятъ. Ахъ, мужчина, ты уморилъ меня!» (Ibid. 204).—При такомъ превратномъ поня-

тин о супружествѣ естественно отрывался полный просторъ волокитству и распущенности нравовъ, чѣмъ и дѣйствительно отличался вѣкъ Екатерины.

Таковъ былъ тогда духъ времени, на образованіе котораго важное вліяніе оказали идеи модной философіи. Большинство всегда усвоитъ какую бы то ни было философію не столько въ ея теоретическихъ основаніяхъ сколько въ практическихъ выводахъ. Положимъ, что Екатерининскіе пети-метры и щеголихи, не любившіе читать что бы то ни было, мало читали даже творенія модныхъ философовъ, но ихъ легкую и невзыскательную мораль усвоили легко и скоро. Такъ и въ ближайшую къ намъ эпоху нигилизма не очень много было Базаровыхъ, очень довольно Ситниковыхъ и Кукупиныхъ.

(Ожиданіе будетъ).

Ф. Тертовскій.

